

18+

Наталья Соснина

ОКНО С ВИДОМ НА СЧАСТЬЕ

II ТОМ

Наталья Соснина

Окно с видом на счастье. II том

«Издательские решения»

Соснина Н. И.

Окно с видом на счастье. II том / Н. И. Соснина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-647947-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Казалось бы, простая история непростой любви. Но! Живые, а не картонные персонажи, которые буквально дышат со страниц книги. Выпуклая, легко узнаваемая всеми, кто это пережил, картина «эпохи 90-х». И реальные эмоции, которые испытываешь, следя за перипетиями сюжета и сопереживая героям. «Окно с видом на счастье» — сотканное из переплетений множества судеб яркое полотно, книга про жизнь во всех ее проявлениях: горе и радость, здоровье и болезнь, любовь и безразличие, сомнение и решимость...

ISBN 978-5-00-647947-0

© Соснина Н. И.
© Издательские решения

Содержание

«Врачу, исцелися сам!»	6
«Водки этому врачу!»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Окно с видом на счастье II том

Наталья Игоревна Соснина

Редактор Людмила Владимировна Белявская

Редактор Наталья Сергеевна Шарова

Переводчик Елизавета Олеговна Майорова

Дизайнер обложки Елизавета Константиновна Костина

Иллюстратор Наталья Игоревна Соснина

© Наталья Игоревна Соснина, 2024

© Елизавета Олеговна Майорова, перевод, 2024

© Елизавета Константиновна Костина, дизайн обложки, 2024

© Наталья Игоревна Соснина, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0064-7947-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0064-7908-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Врачу, исцелися сам!»

Март 2015 года

Приступ острого аппендицита скрутил Сашу настолько неожиданно, что он, опытный хирург, диагностировавший и оперировавший такие случаи сотни раз, далеко не сразу осознал, что с ним происходит.

Проводя абсолютно штатную, теперь уже и не припомнить, какую именно, операцию, он вдруг почувствовал себя плохо: лоб покрылся ледяной испариной, ладони тоже похолодели, а в глазах как будто бы даже потемнело. «Что это еще, – тревожно подумал он. – Давление, что ли?»

Саша, как многие хирурги, был здоровым, спортивным мужиком, и ему всегда казалось, что люди сами придумывают себе болячки. Безусловно, всю жизнь работая в отделении неотложной хирургии, он прекрасно понимал, что с человеком может произойти все, что угодно: авария, несчастный случай, в конце концов, воспаление аппендикса и, как следствие, не дай бог, его разрыв – чисти потом всю брюшную полость пациента, а, почистив, жди с замиранием сердца, когда бедняга сначала самостоятельно пукнет, а потом случится с ним прекрасное событие – стул. Значит, все хорошо, кишечник заработал, не перфорирован, не воспален. Значит, хирург Корольков сделал свою работу правильно и чисто. А во всякие там болезни типа гипертонии Саша не то чтобы не верил – все-таки он был врачом, – но тем не менее считал, что в его возрасте давление может повыситься, скорее, от неправильно образа жизни, нежели вследствие какого-нибудь серьезного заболевания. Ввиду того, что накануне Корольков неправильный образ жизни не вел, у него возникли сомнения по поводу возможного приступа гипертонии.

Велев сестре промокнуть ему лоб, Саша закончил операцию, усилием воли затолкав внутрь себя и подступившую дурноту, и тревогу: он очень хорошо чувствовал свой организм, поэтому сразу понял, что с ним что-то не так. Однако погрешил на вирус гриппа: на дворе начало марта, стояла оттепель, и в городе уже несколько дней назад официально был объявлен «превышенный порог заболеваемости». Где этот самый порог находится, никто не знал, СМИ захлебывались этой информацией, на разные лады проговаривая и прописывая ее по много раз на дню, нагнетая обстановку и нагоняя ужас на горожан. Толку от этого было ноль, зато из аптек моментально исчезли медицинские маски и оксолиновая мазь.

В одной из больниц Бердска и вправду умер от последствий гриппа какой-то бедолага, но, насколько было известно в медицинском сообществе Новосибирска, этот человек не обращался к врачам десять дней. Потом, когда его все-таки доставила в больницу скорая, написал отказ от антибиотиков, столь необходимых ему в этот момент, а также от проведения курса поддерживающей терапии посредством капельниц. Причину объяснил: он являлся адептом некоего учения, пропагандирующего невмешательство в организм человека каким бы то ни было способом, будь то инъекция, капельница, забор анализов или операция.

Антибиотики же, по словам допрошенного полицией верховного жреца той самой секты, суть порождение дьявола, поскольку разрушает мозговую оболочку, вследствие чего разрушается также и оболочка души. Полицейский капитан, проводивший допрос, скрипнув зубами, подумал: «Ну вот что с этим придурком делать? Секта существует абсолютно официально, под видом благотворительной организации, и чтобы закрыть ее, надо еще очень и очень постараться». Да и не его это, капитана, собственно говоря, был уровень.

В общем, власти Бердска дело закрыли, решив обойтись малой кровью и, совместив, так сказать, приятное с полезным, уговорили-таки под белы ручки главврача той злополучной больницы, даму весьма преклонных лет, на пенсию. В результате этого, казалось бы, обычного

и одновременно далекого события Саша неделю назад занял пост заведующего отделением неотложной хирургии городской больницы номер четыре, в которой работал с институтских времен по сю пору. С уходом главврачи произошли множественные кадровые перестановки, и Корольков, исполнявший обязанности заведующим уже несколько месяцев, был официально назначен на эту должность.

Ничего особенного не произошло: они с Лёхой выпили по стакану вискаря вечером, коллектив же Сашу, конечно, поздравил, но не централизованно, как это любят представлять в кино, а, так сказать, в рабочем режиме: каждый, здороваясь со свеженазначенным заведующим, добавлял еще и «поздравляю с новой должностью». Вот, собственно, и все, поскольку устраивать общее торжественное собрание коллектива или, пуще того, застолье было некогда: людей везли бесконечно, больница день-через день была дежурной по правому берегу, и говорить о том, чтобы все или хотя бы большинство сотрудников отделения могли собраться одновременно в одном месте, дабы, надув шары, дуть в дудки и заказав пиццу на всех, весело поздравить его с назначением, не приходилось. Кто-то был на операциях, кто-то отсыпался дома после ночного дежурства, чья-то смена еще не началась, кто-то в малой операционной делал перевязки или снимал швы, а кого-то вызвали на операцию в другую больницу.

В общем, прошла уже неделя с тех пор, как Саша был назначен на должность, а по сути ничего не изменилось – жизнь в отделении кипела, как в маленьком бурлящем котелке, а за стенами больницы кипела своя жизнь – на дорогах каша из снега и грязи, пробки, выматывающие нервы и вытягивающие жилы, серое небо и серые дома, грипп.

В этот день вышло так, что после обеда, когда Саша вышел из оперблока, закончив ту операцию, последнюю, кстати, из неотложных, в отделении из свободных хирургов остались только он и Света.

Лето 1993 года

В то достопамятное раннее утро в конце августа 1993 года профессор Мусин вышел на лестничную клетку с мусорным ведром в одной руке и овчаркой Вестой на поводке в другой и увидел сидящего на ступеньках молодого человека в синих трико с характерными трехполосными белыми лампасами и белой же майке. Молодой человек имел спортивное телосложение и был наголо бритым, но с отросшей черной щетиной на подбородке и щеках. Он сидел, опершись спиной о стену подъезда, сложив руки на груди, и спал.

Профессор Мусин был мужчина не робкого десятка, да и Веста тихо заворчала, учуяв незнакомца, поэтому он воскликнул, обращаясь к молодому человеку:

– Ты что здесь делаешь?

Тот вздрогнул, открыл глаза, вскочил на ноги и ответил:

– Ничего. Извините, Семён Маркович! Моя фамилия Корольков, хочу к вам в ординатуру. Не могу застать вас на кафедре, вот, решил подождать здесь.

После чего в упор уставился на профессора. Мусин внимательно посмотрел в его невероятно черные выразительные глаза, сразу срисовав в них и ум, и глубину мысли, и даже некий оттенок страдания, будто парень пережил недавно что-то трагическое, и спросил совершенно неожиданно:

– Эвхей?

Молодой человек не сразу, видно, и понял, о чем его спрашивает великий хирург Мусин. Но, надо отдать ему должное, соображал всего долю секунды:

– А... Никак нет, русский я.

– С армии, что ли, недавно?

– Так точно, Семён Маркович, – ответил парень. – Два года медсанбата.

– Ну и где же ты служил? – спросил профессор.

– Сначала полгода в учебке был, в Питере...

– Ну? А потом-то?

– Потом в госпитале на Северном Кавказе...

– Там... – Мусин неопределенно повел рукой, – пришлось побывать?

– Да.

– Поня-я-я-ятно... – протянул профессор.

Молодой человек воспринял его «понятно» по-своему и воскликнул:

– Вы только не подумайте, у меня крыша не поехала! Я там всего-то два месяца был, в командировке в полевом госпитале. А потом только сопровождал тяжелых до Пятигорска!

– До Пятигорска? – заинтересовался профессор. – А не полковник ли Сергеев там начальник госпиталя?

– Да, он. Валерий Палыч меня к вам, собственно, и отправил...

– Та-а-а-к! А почему он тебя ко мне отправил? А? Ты еще скажи, что на операциях стоял?

Парень удивленно вскинул черные брови и ответил:

– Конечно, Семён Маркович. И не просто стоял, у меня четыре курса на тот момент было и полгода на скорой, поэтому я был медбратом.

– А делал что еще? Сам что-нибудь делал? – Мусин явно проникся к утреннему посетителю интересом и симпатией.

– Ну так... Всяко приходилось, Семён Маркович, – парень смущенно потер подбородок. – Не всегда, конечно, по уставу... Как бы это сказать-то... Хирургов не хватало, мне в поле и шить самому приходилось, и осколки вытаскивать. Ну не из брюшной полости, конечно, а из руки там, из ноги. Когда в мышечной ткани застрянет.

– Так-так-так... И?

– Ну, пару раз пулевые приходилось ушивать.

– И как же ты ушивал?

– Делал скальпелем надрез и извлекал пулю, – по-военному доложил молодой человек. – А потом, ясное дело, шовный материал там, повязку...

– Чем? – перебил его профессор Мусин.

– Что – чем? – не понял парень.

– Ну пулю-то, пулю чем извлекал?

– Так это... Видите ли, профессор... Как бы объяснить... Нет там ни... черта. Рукой, соответственно, пальцами и извлекал.

– Ну а, допустим, хотя бы пинцетом? А, молодой человек? – удивился профессор.

– С пинцета соскальзывает.

– А обезболивание раненому? – Мусин явно хотел подловить парня на названии препарата.

– Так, опять же, нет там ничего, Семён Маркович. Не хватало обезболивающих. В лучшем случае лидокаин. А одному спирта полстакана налил да палку деревянную в рот сунул. Это мне еще дед рассказывал, что на фронте так даже ампутации проводили. Я и подумал, что, если людям ноги и руки при таком, с позволения сказать, наркозе отпиливали, то уж пулю-то из трицепса я как-нибудь вытащу.

– И что? Вытащил? – недоверчиво спросил профессор.

– Конечно, вытащил! – немного, как показалось Мусину, хвастливо ответил молодой человек.

– Пациент жив?

– Жив.

– А палку-то ему в рот зачем?

– А... Так чтобы он, значит, грыз ее и от боли не орал.

Мусин неожиданно приоткрыл дверь своей квартиры и крикнул:

– Суламифь! Душа моя, дай мне ежедневник!

Через полминуты из двери показалась женская рука в рукаве шелкового ярко-красного кимоно, держащая черный задрипанный ежедневник, за обложку которого была зацеплена пластмассовая шариковая школьная ручка.

– Слушай, – задумчиво произнес профессор Мусин, забрав у красного кимоно ежедневник. – Пошли на улицу, а? А то собака обделается.

Парень сбежал вниз по лестнице, открыл дверь в подъезд (ведро выбросить не предложил, отметил про себя Мусин), пропустил профессора с рвущейся с поводка Вестой и спокойно пошел следом за ним во двор.

Семён Маркович отпустил, наконец, истомившуюся собаку, и, зажав подмышкой ежедневник, вытряхнул в помойку содержимое ведра. Молодой человек спокойно стоял рядом и наблюдал за манипуляциями профессора внимательными черными глазами.

Мусин поставил ведро у входа в подъезд, обтер руки об штаны и сел на скамейку. Молодой человек замер рядом.

– Садись, чего стоишь? – сказал Мусин.

– Ничего, я постою, Семён Маркович, – ответил черноглазый.

Профессор усмехнулся и раскрыл ежедневник:

– Та-а-а-к... Что тут у нас... А вот давай-ка прямо сегодня приходи на кафедру часика этак в три. Сойдет?

– Конечно, – с готовностью ответил парень.

– А ты мне еще вот что скажи, герой. В какую ты собрался ординатуру, если, как ты говоришь, у тебя четыре курса? А?

Парень улыбнулся, но, как успел заметить профессор, одними губами – в глазах все так же стояла затаенная боль.

– Так это я на будущее, Семён Маркович. А пока возьмите меня медбратом к себе в отделение. Готов на ночные дежурства, – ответил он и вдруг тихо добавил слегка в сторону и словно про себя: – Все равно мне больше ночами делать нечего...

«Так-так, – отметил мысленно многоопытный Мусин. – Видать, девчонка бросила или, того пуще, из армии не дождалась...»

Вслух же спросил:

– А с институтом-то у тебя что на сегодняшний момент? Ты же понимаешь, что должен восстановиться? Или уже?

– Я все пересдал за четвертый курс, Семён Маркович. Осталось только то, из-за чего меня тогда отчислили.

– Ну и?

Парень откашлялся и снова смущенно потер подбородок:

– Так это... Аллергология же...

– Кому не сдал?

– Так Шибасовой не сдал.

Теперь настала очередь профессора Мусина как-то слишком уж громко откашливаться и тереть небритый по причине раннего утра подбородок.

Доцент Шибасова была знаменита на весь институт тем, что с первого раза ее предмет не удавалось сдать никому. Со второго раза она принимала экзамен только у беременных, и то, если срок был уже столь явным, что живот лез на нос.

С третьего раза экзамен по аллергологии сдавали круглые отличники, далее же шла очередность, понятная только самой мадам доценту. Однако всем было известно, что самые красивые и тренированные студенты мужского пола не сдавали ее предмет никогда, за исключением тех, кто ради, так сказать, любви к искусству, а вернее – к медицине, соглашался на некоторые

нюансы. Говорить впоследствии о нюансах они отказывались даже в состоянии сильного алкогольного опьянения в кругу ближайших друзей.

На момент описываемых событий доцент Шибасова уже встретила свою сороковую весну, и можно было себе представить, что сия цифра не добавила и без того похожей на, прямо скажем, Бабу-Ягу Инессе Петровне ни красоты, ни белизны зубов и кожи, ни стройности фигуры.

Профессор Мусин не сдержался, все-таки хмыкнул и спросил:

– А пытался хоть сдать-то?

Парень сверкнул на него полными ужаса глазами и тихо сказал:

– Ну она же старая...

Мусин с ног до головы окинул взглядом своего нежданного посетителя и подумал: «Да уж, могу себе представить, что с таким красавцем планировала сделать Инессочка Шибасова... Бедолага, наверно, готов был не то что в армию от нее скрыться, а к самому черту на рога...»

Снова прочистив горло, дабы не засмеяться, он спросил:

– Сколько раз ходил сдавать?

Молодой человек содрогнулся и так же тихо ответил:

– Восемь раз я ходил сдавать!

И поспешно добавил:

– На кафедре.

– Да я понял, понял, что на кафедру! – Мусин уже не мог сдержать смех. – Ясно все с тобой, страдалец. Ладно. Давай так. Ты ее знаешь, аллергологию-то эту, будь она неладна?

– Конечно, знаю, – ответил его собеседник с тоской в голосе. – Наизусть... Два года из-за нее потерял.

– Ну, ты сдавать-то ее готов? – не отставал профессор.

– Кому?!

Мусин засмеялся:

– Да найдем, кому! Тебя как звать-то, Корольков?

– Саша.

– Стало быть, Александр... А по бабушке?

– Леонидович.

– А говоришь, не эвхэй! А?

– Семён Маркович, – Саша приложил ладонь к груди. – При всем уважении... Не еврей я. Папка с мамкой всю жизнь на Чкаловском, по семь классов церковно-приходского. Какие из них евреи, сами подумайте.

– Ну да, ну да... А ты-то в кого такой грамотный и образованный?

– Не знаю, я сам по себе.

– А глаза-то, глаза какие черные! Может, согрешила все-таки бабушка с водолазом?

– Простите?

– Читай Булгакова, Саша! Он, кстати, тоже был врач. А Валерка ничего не велел передать?

– Валерий Палыч? Велел, конечно, – улыбнулся Саша, явно польщенный словом «тоже». – Привет вам велел передать и вот еще, – он вынул из кармана несколько замызганный бумажный треугольник, – записку.

– Так чего ж ты молчишь-то? От молодежь, ос-с-с-спади... Давай уже.

Мусин развернул листок и увидел знакомый с детства кривой почерк. Написано было следующее. «Сёма! Пацан офигительный! (слово было более экспрессивное, так как друг Валера в выражениях никогда не стеснялся). Отвечаю. Возьми его к себе, не пожалеешь! Готовый хирург! Как вы там? Привет Сулико (так он с детства называл Суламифь, жену Мусина). Мой телефон в любое время суток...» Далее шел длинный и странный набор цифр, словно звонить

полковнику Сергееву следовало как минимум на Марс и в конце приписка: «Как только получишь эту записку, сразу же позвони». А далее уж совсем несусветное, хотя для профессора Мусина совершенно обычное: «Целую крепко, ваша Репка».

Профессор Мусин зашел в приемную ректора, приветливо кивнул пожилой секретарше и спросил:

– У себя?

– У себя, у себя, заходи, Семён Маркович!

Мусин потянул тяжелую дверь и оказался в кабинете:

– Лёва, привет!

– Сёмушка! – обрадовался ректор, бывший мусинский одноклассник. – Ты уже вышел из отпуска?

– Пока нет, Лёва, пока нет. Но я к тебе по делу.

Рассказав институтскому товарищу историю отчисленного мальчишки, Семён Маркович завершил свою речь словами:

– Лёва, надо восстанавливать этого студента! Такие парни на дороге не валяются! Валерка пишет, готовый хирург. Да вот она, записка-то Валеркина, на, почитай.

Лев Самуилович нацепил очки, тряхнул развернутый Мусиным листок и, начав читать, крикнул:

– Ну Сергеев в своем репертуаре!

– Лёва, репертуар – это одно, а пацана надо на пятый курс принимать. И вообще, Лёв, она что, до пенсии планирует над студентами измываться, эта б... старая, а?

– Ну, а что я ей скажу? Как ты себе это представляешь, Сёма? «Не спите со студентами, Инесса Петровна», так, что ли?

– Лёва, слова всегда можно подобрать! Ну, это же ни в какие ворота!

– Ни в какие, Сёма, это верно, – уныло согласился ректор.

– Ладно, Лёва, это лирика. Пусть у него Ведешкин примет аллергологию эту, ты ж не против? А, Лёвушка? И приказик сразу на зачисление, да?

Уловка хитреца Мусина удалась как нельзя лучше: Инесса Петровна Шибасова давно была для ректора бельмом на глазу. Однако будучи человеком деликатным и мягкотелым, Лев Самуилович и в кошмарном сне не мог себе представить, каким образом составить с ней разговор на столь интимную тему. В ситуации, сложившейся со студентом Корольковым, он готов был сам принять у него эту проклятую аллергологию («На кой черт она хирургу-то нужна?» – подумал заодно ректор), лишь бы Семён отстал от него.

– Конечно, Сёма, раз ты считаешь, что...

– Лёва, да. Я считаю, что, – твердо произнес Мусин.

– Полина Иванна, – позвал в селектор Лев Самуилович. – Приказик надо.

– Слушаю, Лев Самуилович, – появилась с блокнотом в руках секретарша.

– На зачисление, значит, н-да... Как там бишь его, Сёма?

– Корольков Александр Леонидович, – ответил Мусин.

– Та-а-а-к... Записала. А на какой курс, Лев Самуилович? Мы же его вроде на четвертый курс восстанавливаем, если мне память не изменяет?

– Не изменяет, не изменяет, Полечка, – ласково проговорил Мусин. – И все-то вы у нас помните, рыбка вы моя золотая!

– Работа такая, – зарделась Полина Ивановна.

– Так на пятый курс, на пятый! – продолжал разливаться соловьем Семён Маркович. – Вы, Полюшка, пока ни номер, ни дату не ставьте. Он у нас сегодня аллергологию сдает...

– Кому, Семён Маркович? – еще больше раскраснелась секретарша. – Шибасовой?!

– Не-е-ет, золотце мое, не Шибасовой. Ведешкин примет, и все, нет больше долгов у нашего парня!

– А-а-а... Ведешкину! – словно бы даже с облегчением выдохнула Полина Ивановна. – Все, поняла, сделаю.

– А я ближе к вечеру, – Мусин подмигнул секретарше, от чего деликатный Лев Самуилович только покачал головой. – К вам, Полечка, загляну с его документиками, да? И мы приказик-то и шлепнем с вами! Лев Самуилович, ты уж, будь ласков, подпиши!

– Подпишу, подпишу, Сёма, раз такое дело, все подпишу!

– Вот и славненько все у нас с вами и сложилось, дорогие вы мои!

Ректор скрылся в своем кабинете, сославшись на занятость, а Мусин, как клещ, вцепился в секретаршу, пока та не напечатала приказ. Освободив листы от копирки, Семён Маркович снова зашел к Льву Самуиловичу и повис над ним дамочковым мечом, для ускорения процесса снова начав разговор о Шибасовой.

Ректор, разбрызгивая чернила, торопливо подписал все три экземпляра, после чего Семён Маркович убрался, наконец, из его кабинета, чем доставил Льву Самуиловичу несказанное облегчение.

– Полина, – серьезно сказал Мусин секретарше. – Береги этот приказ как зеницу ока!

– Хорошо, Семён, я поняла.

– Как только все бумажки оформим, Поля, – продолжал Мусин. – Я сразу к тебе. Этот студент должен учиться!

– Сёма, а это какой мальчик? Черноглазенький такой? Я помню его, хороший мальчишка, вежливый всегда.

– Да, черноглазенький. Утверждает, что не эвхэй, хотя лично у меня на этот счет большие сомнения, – улыбнулся Мусин и вышел из приемной.

Доцент Ведешкин расписался в зачетке неведомого ему студента, лишь мельком взглянув на допуск из деканата.

– Ну, друг мой, вы же, как я полагаю, аллергологию знаете? Времени подучить было вполне достаточно, верно?

– Да, конечно, – несколько напряженно ответил Корольков.

– Ну что же, вот и чудненько, вот и славненько, – Ведешкину было жарко, хотелось холодного пива и на воздух. – Троечка, надеюсь, вас устроит?

Королькова в сложившейся ситуации троечка, вне всякого сомнения, устроила бы более чем, однако откуда ни возмись в аудитории появился профессор Мусин:

– Ди-ма, – Ведешкин аж вздрогнул: Семён Маркович возник словно из воздуха. – Какая троечка, Дима?

– Э-э-э-э, Семён Маркович?

– Ни э-э-э-э, а четыре, Дмитрий Владимирович, – в упор глядя на Ведешкина, проговорил Мусин. – Остальные условия нашей договоренности я, между прочим, выполнил!

Договоренность ждала Диму Ведешкина в холодильнике на кафедре и состояла из ящика хорошего пива и бутылки армянского коньяка, пожертвованной Мусиным из личного бара. Вспомнив о пиве, Дима написал: «4 (четыре)» и отдал зачетку остолбеневшему студенту Королькову:

– Все, друг мой, вы сдали, поздравляю от души! А теперь позвольте откланяться, – Ведешкин опасался, что профессор Мусин увяжется за ним, чтобы вместе распивать его пиво, поэтому вылетел из аудитории, на ходу запихивая в портфель ручку и ежедневник.

Мусин, видевший его насквозь, усмехнулся: пить он не собирался, особенно с этим слизняком Ведешкиным. Вот если бы Валерка Сергеев приехал, тогда другое дело!

– Ну шо окаменел, Александр? Пошли дальше тебя оформлять. Надо сегодня этот вопрос закрыть.

Вечером, выйдя из душа и удовлетворенно раскупорив припасенную для себя бутылочку пива, Мусин набрал, наконец, странный телефонный номер, по которому, как утверждал в своем пламенном послании друг детства Валера Сергеев, его можно было застать в любое время суток.

Семёну Марковичу было чем порадовать друга: все документы на студента Королькова были готовы, а послезавтра парень должен был в качестве медбрата выйти на первое дежурство в отделение неотложной хирургии четвертой городской клинической больницы, которым руководил профессор Мусин.

Ответили сразу – связь была отменной.

– Полковника Сергеева, пожалуйста.

– Кто спрашивает? – поинтересовался голос в трубке.

– Профессор Мусин из Новосибирска.

– Одну минуту, – деликатно, но твердо сказал голос. – Полковник только вышел из операционной, размывается, придется обождать.

В течение некоторого времени Мусин слышал на том конце провода какие-то пощелкивания и приглушенные разговоры явно негражданского содержания, а потом в трубке заорал знакомый голос:

– Сёма-а-а-а! Ну наконец-то! Дорогой ты мой! Как дела?

– Валерка! Привет! – радостно воскликнул Мусин.

– Сёма, как вы там?

– Валерик, да все нормально, вот в отпуске были с Суламифью, ездили в санаторий...

– Органы движения лечили? – захохотал собеседник. – Не рановато ли, Семён?

Обоим было чуть за пятьдесят.

– Да ну тебя, – слегка смутился профессор. – Как сам-то?

– Да что мне сделается, Сём? Работаю, как собака, пукнуть некогда. Раненых до х...

– Все так серьезно, Валерик? – осторожно спросил Семён Маркович, помнивший и соседскую бабу Фиру, появившуюся в пятьдесят четвертом невесть откуда, у которой под порогом всегда стоял узелок со всем необходимым для этапирования, и то, как в их семье говорили на подобные темы – тихо и аккуратно.

– Да, Сёма, очень серьезно, – ответил полковник. – Нас ждет огромный пожар. Эти масштабы трудно даже представить.

Мусин только охнул в ответ и перевел разговор на другую тему:

– Валера! Ну, я докладываю: парня сегодня восстановили, сразу на пятый курс.

– Сёма! Молодец! Спасибо тебе, родной! Я тебе говорю, пацан отличный просто! Все на лету схватывает. Я ему, конечно же, предлагал на сверхсрочную и все такое, только нахрена ему это надо? Ему учиться надо, да поскорее!

– Ну все, Валер, все, будет учиться и у меня в отделении работать! Согласен, говорит, на ночные дежурства.

– Он такой, Сашка-то, да! – снова экспрессивно воскликнул полковник. – Уехал, так я без него, как без рук, ей-богу! Привет ему от меня передай обязательно!

– Передам, передам, Валер, – вставил Мусин.

– Как решили проблему с этой вашей старой б...? Это что же такое там у вас на гражданке-то творится, а? – возмущенно продолжал Сергеев. – Всякая б... такому парню чуть всю жизнь не переломала! Ты бы пошел, что ли, сам ее... – тут полковник выдал столь откровенную тираду, что у профессора Мусина, слывшего в узком мужском кругу преподавателей мед-

института пошляком и циником, зарделась обширная лысина. – А то что же, папану двадцатилетнему ее..., что ли? Сам подумай, Сёма!

– Валерик, Валерик! – перебил разошедшегося полковника Мусин, увидев стоящую в дверях супругу и испугавшись, не слышно ли оттуда Валеркиных воплей, явно не предназначенных для ее ушей. – Шо ты таки орешь, как на Привозе? Вот Суламифь тут рядом, трубку из рук рвет...

– А-а-а-а! Сулико моя!!! Дай я с ней почирикаю!

Сёма Мусин был сыном знаменитого одесского гинеколога Марка Израилевича Мусина и вырос в одном дворе с Валерой Сергеевым. Будущая жена Сёмы Суламифь Гольденберг жила в соседнем доме и была самой красивой девочкой в их классе.

С самого детства Валерик, Сёма и Суламифь дружили, вместе играли, а потом, держась за руки, пошли в первый класс: нарядная черноглазая Суламифь в белом фартучке, вся в бантиках – посередине, Валерик в новой, с иголки, школьной форме – слева от нее, и Сёмочка, наряженный бабушкой в черный пиджачок и белую рубашку с «бабочкой» – справа.

Их тройственный союз вызывал жгучий интерес всего населения многонационального одесского двора и массу рассуждений о том, кого же выберет дочка инженера Гольденберга: докторского сына единоверца Сёму Мусина или русского мальчишку, безотцовщину Валерика Сергеева, чья мамка работала дворничихой тут же, в их квартале.

Однако друзьям было плевать на пересуды, и до поры до времени они, учась в одном классе, практически все время проводили втроем. Все мечтали стать врачами, только Валера все метался: врачом или все-таки офицером, пока мудрый дедушка Яков, отец инженера Гольденберга, не рассудил ребят:

– Таки поступай в Военно-медицинскую академию, сынок, – произнес он. – Будешь военный врач. Достойная профессия для еврея, хоть ты и русский.

Валерик, чья дилемма решилась так просто, обрадовался и поблагодарил:

– И то, дедушка Яков! Спасибо за совет!

Так все и вышло в жизни друзей. Втроем поехали они из дома, сразу поступили, куда хотели: Валерик, перебрав баллы, в Военно-медицинскую академию в Ленинграде, а Суламифь и Семён – в Сеченовку в Москве.

Соседки, так до окончания ребятами десяти классов и не прознавшие, кого из парней выбрала-таки черноглазая красавица Суламифь, остались с носом.

А случилось все уже вдали от неусыпного ока соседей. Между Сёмой и Валерой состоялся мужской разговор, принесший обоим огромную радость. Семён, давно влюбленный в Суламифь, подозревал, а можно сказать, был практически уверен в том, что друг испытывает к девушке те же чувства. А поскольку черноглазая красавица не отдавала явного предпочтения ни одному из них, решился на откровенный разговор с Валерой. Дескать, пусть она сама выберет, а мы с тобой в любом случае останемся друзьями на всю жизнь, потому что нет ничего более святого, чем мужская дружба...

Валерик, хлопнув Семёна по плечу, со смехом прервал его выстрадавший несколькими бессонными ночами монолог:

– Сёма! Да забирай свою Сулико! Хочешь, заверну красиво и ленточкой повяжу?

Семён ошеломленно уставился на него, потом медленно и с великим удивлением произнес:

– Как?! Разве ты не...

– Нет, Сёмушка, я не... – весело ответил Валера. – Я очень люблю Сулико, но только как сестру. Сестренка она мне, понял, дурачина?

И это было правдой. Валера потом всю жизнь дружил с обоими: Суламифь была для него сестрой, а Семён кем-то вроде зятя. У них на самом деле сложились такие отношения, какие бывают между родными людьми. После получения дипломов разъехались они в разные

концы Советского Союза: Семён и Суламифь, уже к тому времени муж и жена – в далекий Новосибирск, а холостой лейтенант медицинской службы Сергеев – в военную часть в городе с пугающим названием Завитинск.

«Лучше быть старлеем в Минске, чем майором в Завитинске», – гласила армейская поговорка. И верно, Завитинск Амурской области был такой дырой, что добираться туда даже из Новосибирска нужно было чуть ли не на оленях.

В 1966 году у Семёна с Суламифью родился первенец – Марик. Валера женился на медсестре Машеньке и собирался в ближайший отпуск привезти ее в Новосибирск знакомиться с друзьями. Однако неожиданная трагедия, случившаяся в жизни старшего лейтенанта Сергеева, перевернула не только его планы, но и всю жизнь. У Маши раньше срока начались роды, акушеры в Завитинском роддоме неверно определили ее состояние, потом, пока военным вертолетом везли ее в Благовещенск, время было упущено, и Маша умерла. Новорожденную Леночку удалось спасти.

У Валеры из родных осталась только теща: мамку его, Клавдию Петровну, похоронили, еще когда он учился в академии. Татьяна Степановна сразу же выехала к зятю в Завитинск, чтобы взять на себя заботы о внучке.

Узнав о горе, постигшем друга, Семён невероятными усилиями смог выбить себе несколько дней без содержания и тоже поехал к Валере, чтобы хоть как-то его поддержать. Суламифь же с полугодовалым Мариком на руках поехать не смогла – не с кем было оставить ребенка.

Пока Семён почти двое суток добирался до Завитинска, Суламифь с Валерой плакали по телефону: Суламифь, у которой от переживаний в пять минут поднялась температура и пропало молоко, – в Новосибирске, а Валера – в кабинете командира части в Завитинске.

– Ах-ах-ах, Валерочка! – рыдала Суламифь, качая ногой коляску и путая русский и идиш. – Какое горе, ой-вэй, какое горе свалилось на нас!

– Сулико-о-о-о, – всхлипывал в ответ Валера. – Сулико, как я буду теперь жить...

Как только она прекращала качать коляску, Марик, чувствовавший состояние матери, заходился криком, поэтому на исходе вторых суток у нее начало так сводить судорогой ноги, что прибежавшая соседка вынуждена была вызвать скорую.

Врач ввел успокоительное, и только тогда ребенок тоже немного затих.

Теща осталась жить с Валерой и единственной внучкой: так они и тянули втроем армейскую лямку, переезжая из одного военного городка в другой. Валера называл Татьяну Степановну мамой, и сослуживцы даже не догадывались, что между ними нет кровного родства.

Вдового военврача, конечно же, обхаживали многие женщины, но он больше ни разу не женился – не хотел расстраивать Леночку и ее бабушку, считая, что они этого не заслужили. Гулял на стороне, не приводя никого в дом.

А когда спустя двенадцать лет после смерти Машеньки Татьяне Степановне понадобилась операция на сердце, вопросов, где ее делать, не возникло. В те времена подготовка к оперативному вмешательству проходила очень долго – порой нужно было в течение нескольких месяцев проходить различные исследования, сдавать анализы, а также лечить сопутствующие заболевания в стационаре. Валерина теща в полном смысле слова переехала к Семёну и Суламифи на целый год из крошечного городка в Красноярском крае, где в то время служил ее зять. Леночка, не пожелавшая бросить бабушку одну в такой сложный период, тоже поселилась в их доме и пошла в шестой класс вместе с Марком. Тот представлял ее всем как свою двоюродную сестру и всячески оберегал и опекал. Детскую в четырехкомнатной квартире делили девочки – Леночка и младшая сестра Марка Мира. В кабинете обустроили комнату для Татьяны Степановны. Марик же переехал в гостиную.

Операцию провели в областной больнице, и, безусловно, Татьяне Степановне был обеспечен самый лучший уход и реабилитация: Семён и Суламифь сделали все, чтобы она попра-

вилась. Через год, провожая Лену и ее бабушку обратно к Валере, рыдали все: за время, проведенное вместе, сроднились. Лена после школы приехала в Новосибирск и поступила в медицинский. Жила, правда, в общежитии (сама так решила, хотя тетя Сулико и дядя Сёма звали ее к себе), но все выходные проводила у Мусиных.

Март 2015 года

Саша вошел в ординаторскую. Света подняла голову от бумаг и спросила:

– Все, Санюшка? Закончили?

Саша не любил, когда его называли Санюшкой, поэтому передразнил:

– Все, Митюнюшка, закончили!

Света засмеялась и снова подняла на него глаза:

– О! А ты чего такой зеленый весь? Устал?

– Да что-то плохо мне, Светик, – пожаловался Корольков. – То ли грипп подцепил...

– Саша, какой, нафиг, грипп! Ты прекрасно знаешь, что это все СМИ раздувают! – возмутилась Света.

– Ну не знаю, – снова заканючил он. – Что-то аж мокрый весь, еле операцию закончил.

– А ну ляжь на кушетку! – скомандовала хирург Гулькина.

Саша снова передразнил:

– Ляжь! Тьху, дер-р-р-евня!

– Ложись давай, деревня! – рявкнула Света. – И штаны спускай!

– Ой, Вась! Прямо сейчас, что ли? – веселился Саша. – Увидю-ю-ют...

Однако на кушетку улегся, кряхтя, словно старый дед. Света с тревогой посмотрела на него:

– Чего стонешь? Больно где-то?

– Да вроде не больно, а ломает всего... – Саша приспустил штаны синей хирургической пижамы, а подол рубахи задрал вверх, открыв мускулистый живот.

– Ниже спускай, – ругнулась Света. – Чего как девочка?

– На, на тебе ниже, – обреченно простонал Корольков. – Мегера!

– Ой, Санек! – всплеснула руками Гулькина. – А ты что, без трусов, что ли, ходишь?

– Сейчас прям, без трусов, – отмахнулся Саша. – Размечталась! Вон они, на мне, трусишки-то мои...

Света села рядом на стул и потрогала его лоб:

– Ого! Так у тебя температура!

Другой рукой она уже трясла термометр:

– На-ка вот, мерий!

Он снова передразнил ее:

– Мерий...

– Саня, иди в жопу, а? – вызверилась Света. – Мерь, говорю, и не мыркой мне тут! Колени согни!

Она стала ощупывать его живот и снова с тревогой взглянула ему в лицо:

– Так больно? А так? – Света резко отпустила прижатую руку, от чего Саша снова покрылся холодным потом:

– Больно...

– А так?

– И так больно...

– А ну повернись маленько на бок! – голос ее стал совсем обеспокоенным. – А так?

– Да... – сквозь стиснутые зубы простонал Корольков.

Света же озабоченно протянула:

– А живот-то у тебя острый, Сашенька... О-хо-хо-хо...

– Пальцы у тебя, Светочка, острые! – возмутился он. – Ты случайно на досуге подковы не гнешь?

– Ладно, не крикай мне. Нашелся нежный! – ответила Света и без перехода крикнула проходившей по коридору пожилой сестре: – Людмила Пална! Людмила Пална! Зайди, а?

– Чего такое, Света? – появилась на пороге Пална и, увидев лежащего на кушетке Королькова, всплеснула руками: – Саша? Что случилось?

– Пална, давай в лабораторию, а? Пусть Нинка срочно сюда идет и все для забора с собой! И контейнер для мочи давай. Общие на cito.

– А что такое-то?

– Пална, давай быстрее, а? Не видишь, плохо ему! – поторопила ее Света.

– Давление? – все не успокаивалась Пална.

– Если бы! – воскликнула Света. – Аппендицит.

Саша попытался сесть и завопил:

– Что?! Какой аппендицит? Ты что, Светлана, чокнулась?

– Острый, Сашенька! – зловеще проговорила в ответ Гулькина. – Острый! Куда?! – заорала она на него. – Лежать! Лежать, я сказала! Сейчас кровь возьмем, сам увидишь.

Тем временем вернулась Людмила Павловна, и Света, взяв у нее контейнер для анализов, сказала:

– Все, быстро Нинку сюда! Давай, Пална, будь ласкова, одна нога здесь, другая там. А я пока готовиться начну.

– Побежала я уже, Свет, побежала! – вскинулась Людмила Павловна.

– И лед! – крикнула ей вслед Света.

Она повернулась к Королькову, который лежал с вытаращенными от ужаса глазами:

– Штаны-то надень! Грипп! На вот, – протянула она ему пластмассовую баночку. – Иди давай, писай.

Потом она снова заставила Сашу лечь на кушетку, положила принесенную сестрой грелку со льдом на низ живота, на что Корольков еще попытался пошутить: мол, не в том он сейчас состоянии, чтобы исполнять ее эротические фантазии.

В ответ Гулькина от души обматерила его, велела лежать и вышла в коридор.

Постовая сестра Люба, явно уже оповещенная Людмилой Павловной о состоянии заведующего, спросила:

– Ну что там, Светлана Николаевна?

– Да что-то из лаборатории не идут, – озабоченно ответила Света. – Где она ходит, Ниночка эта полоумная?

– Я позвоню сейчас, – решительно сказала Люба и потянулась к трубке внутреннего телефона.

– Маленькая свободна, я надеюсь? – спросила Гулькина.

Маленькой называли каморочку в самом конце коридора, переделанную под одноместную палату. Помещалось там немного: кровать, тумбочка и крошечный шкаф-ниша в углу. Зато из микроскопического предбанничка вела дверь в отдельный санузел с раковиной. Чистота там была идеальная, потому что и палата, и санузел были предназначены только «для своих». Палата эта не имела номера, так как не проходила ни по каким документам: в ней лежали только сотрудники больницы, если вдруг попадали в лапы врачей отделения неотложной хирургии, или их ближайшие родственники.

– Свободна, да, – кивнула Люба. – Там все готово. А что с ним, Светлана Николаевна?

– Да аппендицит! – с горечью воскликнула Света, словно жалела, что у Королькова всего лишь воспаление слепой кишки, а не что-нибудь более серьезное. – Главное, острый! – возмутилась она. – Кто в отделении у нас, Люб?

– Так а кто? Кто? – Люба говорила и одновременно набирала телефон лаборатории. – Кто? Але! Девочки! Неотложная. Где Нина там ваша?! Что значит – выходит?! Заведующему надо кровь на цито! Какому-какому? Нашему! Да. Быстро пусть идет!

Люба в сердцах шваркнула трубку и продолжила:

– Курицы, блин! Кто. А никого. Алексей Николаевич еще в отпуске, только в понедельник выйдет. Абрам Фёдорович зашел в третью, там надолго, два в одном, грыжа с желчным – ему кто-то из «девятки» приехал ассистировать, я не видела. Михал Рувимыч с той девочкой, которую Мусин привел в ординатуру, во второй, там мужика привезли, шесть ножевых.

– Господи, – удивилась Света. – Прямо шесть?

– Говорят, да, прям с ножом в бочине привезли! Сам синий весь, в портах с головы до ног, девки видели... Ужас, Светлана Николаевна!

– Ну не ужас, конечно, Люб, – успокоила ее Света. – Нам раз с десятью ножевыми привезли, и то живой был. Ушивались-ушивались тогда с Лёхой... Так, ладно, это лирика. А анестезиологи? Кто есть-то? Ира где?

– Ой, а Ирину Анатольевну вот только Юрий Алексеевич забрал! У них у кого-то из родственников юбилей, они и поехали, – Люба расстроено прижала ладошку к губам: выходило, что оперировать бедного Королькова в буквальном смысле слова некому.

– Блин! – Света выхватила из кармана своей синей хирургической пижамы телефон:

– Ирка! Ты где? Далеко уехали? Пусть Юрка оглобли разворачивает! У Шурика острый аппендицит, надо срочно аппендектомию! Ну нету никого, Ир! Ну опоздаете, что теперь делать-то?! Все, давай, жду!

Она, озабоченно нахмурившись, повернулась к Любе:

– Так... Ну в операционную-то Лена пойдет... Кстати, какая свободна у нас? – Света явно не могла собраться с мыслями. – Операционная какая?

Люба сочувственно посмотрела на Гулькину:

– Так нету, Светлана Николаевна... Малая только.

– Да что ж такое-то, а! – в сердцах воскликнула Света. – Доктору и помереть спокойно негде, тьфу-тьфу-тьфу! Ну пусть малую готовят, куда деваться!

– Так Светлана Николаевна, – с надеждой в голосе предположила Люба. – Может, и нет у него аппендицита? Кровь же не брали еще.

– Да конечно! – раздраженно ответила Света, – Там перитонит вот-вот... О! Нина! Давайте бегом в ординаторскую, кровь общий цито и моча там стоит, увидите.

Гулькина, нахмутив лоб, стояла у стойки поста и размышляла, что делать дальше, пока Ира едет обратно в клинику, как вдруг до нее дошло:

– Та-а-ак... – в ужасе произнесла она. – А кто ж мне ассистировать-то будет? Я ж одна не смогу! Второго ж надо! Господи... Что делать, Люб? – беспомощно оглянулась она на медсестру. – Пацаны есть кто ординаторы?

– Нет никого, – с жалостью глядя на доктора Гулькину, ответила Люба. – И Макса, и Дениса Александр Леонидович отпустил на выходные в Шерегеш.

– Ну Александр Леонидович, конечно! – возмутилась Светлана. – Не мог отказать! На лыжах же! Святое дело, а как же! Теперь вот, пожалуйста! Тьфу!

Тут за спиной у Светы раздался прокуренный женский голос:

– Какое это святое дело, а, девки? Бухать, что ли, собрались по случаю пятницы?

Света обернулась и увидела улыбающуюся Розалию Львовну Розеншток, хирурга-травматолога из соседнего отделения, находящегося в противоположном крыле здания. Донне Розе, как за глаза называли ее коллеги, было за шестьдесят, она оперировала и на покой не собиралась: руки у нее были золотые. Донна Роза была циничной, умной, острой на язык и при этом удивительно проникательной и мудрой женщиной.

– Чего стряслось-то у вас? – продолжала Розалия Львовна. – Гляжу, Нинка-Как-Картинка в ординаторскую аж бегом...

– Ой, Розалия Львовна! – Светка обрадовалась ей, как родной. – Ой! Сам господь вас послал!

– Ну да, ну да, – довольно улыбнулась Донна Роза. – Я такая! Фея, фея!

– У Сашки аппендицит! А кроме меня, нет никого, – запричитала Светка, в присутствии Розалии почувствовавшая себя девчонкой-студенткой.

– У какого это еще у Сашки? – нахмурилась Донна Роза.

– У нашего Сашки, у Королькова! – расстроено ответила Света. – Из оперблока приполз, я пропальпировала, а там перитонит вот-вот!

– Ишь ты... – поразилась Розеншток.

– Да! А в отделении никогошеньки! Помогите, Розалия Львовночка, миленькая! Все на операциях... Ирка сейчас приедет, и можно начинать!

– А дай-ка, – задумчиво произнесла Розалия. – Я его осматрю еще.

– Да идите, идите, конечно! Там он, на кушетке валяется.

– Сейчас! Сейчас мы его пощупаем, красавчика, – зловеще потирая руки, произнесла Донна Роза.

Зайдя в ординаторскую, она дождалась, пока Нина, которая с любопытством пялилась на лежащего заведующего, заберет свои склянки и уберется в лабораторию. Умостившись на стул возле кушетки, Розалия Львовна потрогала большой красной рукой Сашин лоб:

– Мерил? – спросила она.

– Да, – горестно ответил Корольков. – Тридцать девять.

– Ни х... себе, – молвила в ответ Розалия. – Давай пузо.

Саша опять задрал рубаху и спустил штаны, уже без напоминаний согнув ноги в коленях. Розалия убрала в сторону лед и принялась на удивление осторожно и бережно, не в пример Светке, ощупывать его живот:

– Так?

– Больно.

– Так?

– Больно.

– Больно где? – строго спросила она.

– Везде больно, Розалия Львовна! – простонал Корольков. – Везде, до самой попы, е-мое!

– А тут вот если?

– Да больно же!

– Ну все понятно, – она снова положила на него лед. – Все понятно. Лежать.

– Что вам понятно? Скажите уже! А то всем все понятно, один я ничего не понимаю.

– А что там понимать, Саша? – удивилась Розалия. – Острый аппендицит. Сейчас анализ мочи твой принесут, сам увидишь, – она так и сказала: «анализ мочи».

– Так вы что, – с ужасом воскликнул Корольков. – Резать меня, что ли, собрались?!

В ответ Розалия залилась демоническим хохотом:

– Нет, мы тебе стриптиз сейчас покажем и отпустим! Канешна, резать! У тебя перитонит вот-вот! Лежи, не мотайся по кушетке, как собачий хвост! Сейчас малую подготовят, Ирка ваша приедет, моемся и вперед!

– А чего это малую? – с обидой в голосе спросил Корольков. – Других нет, что ли?

– Да ты спасибо скажи, что хоть врачи есть! Поотпускал всех, теперь вот самого некому соперировать даже! Это ж я случайно к вам зашла! Я вообще, между прочим, в отпуске, завтра с Геной во Вьетнам летим... Ох ты! – вспомнила она. – Я ж на педикюр не успею! Вот из-за тебя, Корольков, я с грязными пятками на море поеду. Чтоб тебе!

– Спасибо вам большое, Розалия Львовна, – с чувством произнес Саша. – Огромное человеческое спасибо! Пятки для женщины – это самое главное!

– Молчи уже, чудовище! Угораздило же! – продолжала возмущаться Розеншток. – Ни раньше, ни позже, не дашь бабе Розе спокойно чемоданы собрать!

Она выглянула в коридор:

– Девки! – крикнула она. – Ну че там, мочу принесли?

– Несут уже, – подобострастно пропела Света. – Несут, Розаличка Львовночка...

– Розаличка тебе... – проворчала Донна Роза и повернулась к Саше: – Сейчас вот сам увидишь. А! Вон Ирка подъехала! Ишь, машина у ейного мужика! Танк, а не машина! Слушай, Сань! А он у нее кем, Юрка-то? Бандюган поди?

– У него бизнес, Розалия Львовна, – сдержанно ответил Корольков.

– Ну-ну... – недоверчиво протянула Розалия. – Цацки-то у Ирки зачетные... Бизнес... Твоя-то че? Работает хоть?

– Конечно, работает, Розалия Львовна, – улыбнулся Саша. – Вот, на конференции сейчас как раз в Париже.

– В Пари-и-и-же... – передразнила Донна Роза. – Чего это ты молодую жену по Парижам-то одну отпускаешь?

– Да чего такого-то, подумаешь? – возразил Корольков. – Парфюму мне привезет.

– Парфю-ю-ю-му... – снова проворчала она. – Ребеночка бы лучше ей заделал. Не понимаю я вас, молодых! Мотаетесь по жизни, как хвосты свинячьи, а потом стакан воды подать некому будет! Вон, с Лёхи пример бери – и так двое пацанов, так еще снегурочку себе состругали. И правильно, между прочим, сделали!

Саша удрученно молчал, зная, что спорить с Донной Розой, если она разошлась, бесполезно.

– Или не получается чего, а, Саш? – обеспокоенно продолжала она. – Так ты к моему Геннадию Степанычу ляжь, обследуйся...

– Да не надо мне к Геннадию Степанычу! – вспылил Корольков. – Нормально все у меня по урологии!

– Ну гляди, гляди... Тебе сколько годков-то сейчас?

– Сорок пять, – ответил Саша.

– Их ты! Как время летит! Давно ли тут медбратом все по ночам в окошко курил...

– Вы и это помните, Розалия Львовна, – поразился Корольков.

– А чего это мне не помнить, Шура? – удивленно вскинула она брови. – Я на память не жалуюсь...

Она снова высунулась в коридор:

– Девки, давайте сюда анализы! Пусть сам убедится!

В ординаторскую зашла Света и сунула заведующему под нос бумажки с результатами:

– Вот! – победоносно воскликнула она. – Смотри, какой лейкоцитоз!

– Света, чего ты мне их в рожу-то суешь! – возмутился тот. – Дай очки, вон они, на столе лежат, я так не вижу!

– А куда мне прикажете их вам совать, Александр Леонидович? – возмутилась Света. – На твои очки, пожалуйста, вот, сам смотри! Видишь? – она тыкала пальцем в бумажки. – Видишь?!

– Н-да, лейкоцитоз... – Саша снял очки и отдал их Свете. – И что теперь?

– Саш, ну что-что? – удивилась та. – Оперировать!

– Может, понаблюдаем? – неуверенно спросил заведующим неотложной хирургии Корольков.

– Сань, ты что? Боишься, что ли? – догадалась Гулькина. – Боишься? Ты?!

– Конечно, боюсь! – раздраженно ответил он. – Первый раз же!

– Так аппендицит один раз бывает! – радостно сообщила Света. – Если ты не в курсе!
В ординаторскую бегом влетела Ира Чернова:
– Санечка! Как ты, солнышко?
– Ир, прости, – сдержанно произнес он. – Вот, Светка взбаламутила тут всех...
– Нет, вы посмотрите на него, а? – уперла руки в боки Светлана. – Я, главное, взбаламутила! Это, видимо, у меня тут до перитонита!
– Света, не каркай! – Ира села возле Саша. – Саш, аллергия есть на что-нибудь?
– Откуда я знаю, Ириш... – тихо ответил Корольков. – Вроде б нет...
– Ну что? Спинально, что ли, обезболим, а, Саш? – Ира явно подрастерялась: нечасто приходилось оперировать своих коллег и друзей.
– Знаешь что, Ириша! – возмутился он. – Это ты теще моей спинально, если что, обезболивай! Это у нее пусть потом позвоночник в... белье ссыпается после спинального вашего!
Розалия Львовна хмыкнула:
– Ты, Сашок, гляжу, тещеньку свою любишь!
– А как же ее не любить, Розалия Львовна! – принял подачу Саша. – Золотой ведь человек, Клара Захаровна моя!

Сашина теща, Раиса Константиновна, была притчей во языцех всех его друзей и коллег. Имея среднее медицинское образование и работая лаборанткой в одном из научно-медицинских институтов Академгородка, Раечка удачно выскочила замуж за тогда молодого и перспективного доктора Аркашу Лиманского. Родив ему единственную дочь Аришу, Раечка работать больше желания не изъявила, да и муж обеспечивал семью вполне достойно. Аркадий в то время занимался некими секретными медицинскими разработками, быстро рос по карьерной и научной лестнице. Посему Раечка, будучи девушкой неглупой и прагматичной, вполне справедливо рассудила, что негоже при таком муже заниматься всякой ерундой, тем более ей – умнице и красавице. И всю жизнь просидела дома, создав вокруг себя ореол мученицы домашней нивы.

– Боже мой, Галя, – говорила она по телефону подруге. – Это невыносимо! Аркадий день и ночь в институте! Все на мне, буквально все: и на рынок! И в школу за Аришей!

Выросшая в очень простой, если не сказать маргинальной семье, Раиса Константиновна почему-то считала верхом хорошего воспитания и вкуса надменность и едва прикрытое хамство по отношению к другим. Так, думала она, люди всегда будут знать свое место рядом со мной, женой самого Лиманского!

Надо сказать, тесть, академик Лиманский, был неплохим мужиком, и с Сашей у них сложились вполне приятельские отношения. На супругу Аркадий Владимирович давно махнул рукой, дочке помогал, зятя уважал. Теща же, напротив, Сашу не жаловала и считала выскочкой-плебеем, случайно затесавшимся в их благородное семейство.

– Ах, Галочка! Не такого мужа я желала для Ариши, не такого! Ну что это: пьет, матерится, не знаю... – вешала Раиса все той же подруге, забыв уже за давностью лет о том, что в двухэтажном бараке в городе Апатиты, где прошли ее детство и юность, пили и матерились так, что ее зятю даже не снилось.

При этом Раиса Константиновна умудрялась поучать доцента Королькова в вопросах медицины и называла его исключительно на вы и часто по имени-отчеству, за что острый на язык Саша прозвал ее Кларой Захаровной – по имени тещи из популярного сериала «33 квадратных метра».

– Какое спинально, Ира, – продолжал возмущаться Корольков. – Нет! Давай тугим инфильтратом, да и все!

Ира вопросительно взглянула на Светлану. Та, нахмурившись, молча покачала головой.

Розалия же Львовна проявила себя менее деликатно:

– Ага, сейчас! – громко воскликнула она. – Как же! Будешь там лежать командовать мне!

Отключай его по-нормальному, Ирина!

– Саша, Саша, – начала уговаривать его Ира. – Ну какой тугой инфильтрат! Это больно! Зачем тебе это надо? Да и нет у меня столько новокаина-то... – слукавила она. – Сейчас нормальный препарат введем, да и все.

Корольков затравленно молчал. Ира же возобновила свой допрос с пристрастием:

– Сашенька, ты когда последний раз кушал?

– Ириш, – оживился он, вспомнив утреннюю гонку в аэропорт, – ты не поверишь, вообще сегодня не ел!

– А пил когда?

– Часов в одиннадцать чай пил, – ответил Саша и хвастливо добавил, – голый, даже без сахара!

– Ну так это же прекрасно, дорогой! – обрадовалась анестезиолог Чернова.

В ординаторскую зашел Юра, Ирин муж, крутя на пальце ключи от машины. Юра единственный из их теплой компании не был врачом, что, однако, не мешало им с Сашей быть близкими друзьями.

– Сань, ну ты чего, как? – встревоженно спросил Юра. – Совсем хреново? Ой, здрасьти... – обернувшись, он увидел Розалию Львовну. – Извините...

– Да ничего, ничего, молодой человек, – расцвела та. – Вы лучше другу своему объясните, что под новокаином оперироваться не модно уже!

– Сань, да ты че, какой новокаин! – Юра, будучи мужем анестезиолога и много лет друживший с медиками, неплохо ориентировался в таких вопросах. – Это же больно, Сань!

Саша, в присутствии друга почувствовав знакомую почву под ногами, приободрился:

– А вы чего это тут все скопились, а? Идите, работайте, готовьтесь к операции! Не какого-нибудь хрена с бугра, а целого заводделением будете оперировать, между прочим! Иди-иди, Гулькина! И Розалию Львовну забирай!

– Точно, Саня! Бабам этим, если ускорения не придашь, так и будут до вечера колупаться! – вставил Юра

– Нет, ты погляди на него! – фыркнула Света. – А мы что, по-твоему, делаем? Ира и так уже готовит тебя к наркозу!

– Светик, – снова поддержал Сашу Юра. – Вы так до морковкина заговенья рассусоливать будете, а нам с Иркочкой к отцу на юбилей надо! Давай-давай, начинайте уже!

– Правильно, Светлана! – согласилась Донна Роза. – Пошли готовиться, я тоже тороплюсь!

Саша мысленно содрогнулся: «Ну и бригада будет! Одна на пьянку опаздывает, другая – на педикюр... Вот я попал!»

Света и Розалия Львовна ушли, а Ира продолжила свои изыскания:

– Саш, вмешательства были хирургические?

– Да нет, не было... – как-то не вполне уверенно ответил тот.

Чернова подозрительно взглянула на него и строго переспросила:

– Точно?

– Ну было одно, – нехотя признался Саша. – Тебе это не поможет.

– Какое? – еще строже спросила Ирина. – А?

– Ир, говорю тебе, не поможет, – упорствовал Корольков. – Не имеет отношения.

– А вот это, Сашенька, – возмущенно сказала Ира, – мне решать, поможет или не поможет! Я здесь анестезиолог, на минуточку, а не ты! Ну! Говори!

– Ну циркумцизия... – неохотно признался Корольков.

– Ой! – игриво заулыбалась Ирина. – Да ладно!

- Чего тебе ой! В детстве! Мне лет восемь или девять было, не помню...
- Наркоз общий давали?
- Вроде да, – неуверенно произнес Корольков. – Маску помню.
- А это че такое, Сань, – влез Юра. – Циркумцизия?
- Че-че... Обрезание! – объяснил Саша.
- Это что же, – поразился Чернов. – Как у мусульман, что ли?
- Ну выходит, да, – ответил тот. – Как у мусульман.
- Гляди-ка... – сочувственно сказал друг. – Поди, больно было?
- Так, мужчина! – уперла руки в боки Ира. – Идите отсюда, дайте врачам работать!

Юра так же шутя обиделся:

– Вот так, Сань, всегда. Только мужики о чем-то серьезном базарить начинают, так бабам влезть обязательно надо! Ладно, Сань... Пойду я. Держись давай, все нормально будет. Сейчас Ирка тебе укольчик поставит, и все – проснешься уже в палате! Красота: выспишься, отдохнешь...

– Спасибо, Юр, добрый ты человек! – грустно ответил Корольков. – Я бы предпочел отоспаться дома, в своей кроватке...

– И не один к тому же, да, Санек? – подмигнул Юра.

– Да что ж такое! – накинулась на мужа Ирина. – Юра, иди в машину!

Саша же, до которого наконец дошло, что операции не избежать, стал понемногу брать себя в руки.

Он вспомнил о том, что в операционной пациенты находятся полностью обнаженными. Помимо этого, вспомнилось Королькову, что трусы на нем сегодня особенно дебильные: утром, выйдя из душа, он не обнаружил в своем ящике для белья ни единой пары нормальных человеческих трусов. Жена его, умница и красавица Арина, хозяйкой была никакой, а домработница Вера Ивановна, командидуемая заботливой тещенькой дважды в неделю в помощь своей изработанной доченьке, как на грех, слегла с радикулитом. В результате к пятнице в разгромленной за неделю квартире невозможно было найти ни какой-либо нормальной еды, ни – вот, пожалуйста! – элементарно чистых трусов. В самом дальнем углу ящика болтались в шутку подаренные коллегами на 23 февраля «семейники» в сердечко. «Придется надевать их», – подумал Саша и заорал в сторону спальни, где нежилась в постели супруга, которая, в отличие от Саши, работающего в муниципальной больнице с восьми утра, первых клиенток расписывала себе не раньше одиннадцати:

– Арина!!! А что, у нас машинка стиральная сломалась, что ли?

– Нет, любимый! Почему ты так решил? – сонным голосом промурлыкала она.

Арина любила примерять на себя разные образы: вот сегодня, например, угадал Саша, она нежная и ласковая, немного беззащитная молодая жена занудного старого мужа-тирана.

«Да что ж такое! – в сердцах подумал он. – Какой я ей, к бесу, любимый!», а вслух сказал:

– Во сколько у тебя самолет?

– А-а-а-а-х! Самолет! – взвизгнула Арина и пулей вылетела из спальни. – Я забыла, мне через час надо быть в аэропорту!

– Господи, Арина! – закричал Саша. – Как так можно-то, а? Забыть про самолет!

– Котик! – металась она по комнате. – Скорее! Вызывай такси на ближайшее!

– Я отвезу тебя, что ты скажешь, – Саша не мог оставить ее в такой ситуации.

Утренним рейсом Арина должна была лететь в Москву, а оттуда в Париж. Стыковка была просто микроскопическая, и спасало ее только то, что летела она без багажа, с ручной кладью, и поэтому должна была успеть.

– Давай бегом, умоешься в самолете! Арина! Скорее! Сумка, я надеюсь, собрана у тебя? – Саша быстро напялил «семейники» в сердечко, на них джинсы, а когда натягивал на еще мокрый голый торс пуловер, о трусах и думать забыл. Сунув босые ноги в кроссовки, стоящие

у двери, и схватив в охапку первую попавшуюся куртку, он взглянул на часы, висящие над каминной полкой: они показывали шесть ноль пять. «Успею», – подумал Саша и снова заорал:

– Ну ты скоро?! Арина! Оденешься в машине! Вещи бери и бегом!

Супруга продолжала метаться по квартире. В руках ее были джинсы.

– Господи, как можно быть такой курицей! – не выдержал Саша и быстро прошел вглубь квартиры, оставляя на полу куски грязи от кроссовок.

Он выхватил из шкафа какую-то ее майку, из ящика комода – бюстгальтер и трусы, pokrutil головой в поисках носков, увидел их под стулом, поднял и, держа все это в руке, вышел обратно в коридор. Арина прыгала на одной ноге, пытаясь натянуть джинсы.

– А трусы ты надевать не планируешь? – насмешливо осведомился Корольков.

– Господи-и-и... – простонала Арина.

– Снимай штаны, оденешься в машине, – скомандовал он.

– А трусики?

– Я все взял! Три минуты у тебя, иначе мы опоздаем! – продолжал он торопить ее.

– А пописать я хотя бы могу? – с претензией в голосе поинтересовалась Арина.

– Безусловно, – невозмутимо ответил Корольков. – Ты можешь даже покакать. Время пошло.

Нежная и беззащитная супруга укоризненно протянула:

– Ну Са-а-а-аша! Какой же ты все-таки грубый...

– Да, – все так же невозмутимо согласился он. – И неженственный.

– Что?

– Ничего. Осталось две минуты, – сказал Саша.

Пока она гремела чем-то в туалете, он думал, глядя на часы: «Вот где были мои глаза? Как? Как меня угораздило жениться на женщине, которая не прочитала ни одной книги, не посмотрела ни одного нормального фильма... На женщине, которая не понимает, почему мои друзья смеются, если я говорю ей: „Тьху, деревня“ и искренне обижается, если я в шутку предупреждаю ее, вернувшуюся из ресторана после встречи с подружками: „Нажралась – веди себя пристойно“. Ну где были мои глаза, впрочем, понятно, продолжал он самобичевание. Но неужели там же были мои мозги? И ведь были в моей жизни другие красивые женщины, но на них я почему-то не женился... И, что характерно, среди них были и умные, вот ведь в чем парадокс! А я почему-то остановил свой выбор на этой курице. Добро бы хоть раз за эти восемь лет, семь с половиной из которых я понимаю, что живу с дурой, я воспользовался бы связями ее отца! Но ведь все знают, что все, чего я достиг, я достиг сам! Что же мне теперь делать-то...»

Выскочившая из туалета Арина прервала его невеселые рассуждения:

– А лифчик ты взял?

– Я все взял! Надевай кроссовки и бери куртку. Документы на месте?

– Но ведь ты сам вчера положил мне все в сумочку...

– Выходим. Серебряный значок ГТО ты заработала! – одобрил Корольков, взглянув на часы. – Уложились!

– Сашенька, зачем мне какой-то значок? И что такое ГТО?

– Готов к труду и обороне, – вежливо пояснил он.

– А-а-а...

– Бэ-э-э-э...

– Са-а-а-аша...

– Арина. Все. Выходим. Держи свои тряпки и дуй к машине.

Корольков очень хотел, чтобы она успела на самолет. Тогда у него будет два дня! Два! И еще вечер пятницы! Он давно о них мечтал, зная, что у Арины запланирована эта поездка. Мечтал, как он сначала в пятницу вечером поедет к Лёхе, словно в старые добрые времена, когда не было в его, Сашиной, жизни никакой Арины вместе с ее трепетной мамашей...

Как выпьют они с Лёшей с устатку нормальную, ноль семь, бутылку виски. А Танька, накрыв им на кухне, пристроится рядом и скажет:

– Ну вы чего, пацаны? Оборзели совсем? Мне-то налейте чуть-чуть!

И включают они какой-нибудь человеческий фильм, все равно, какой, хоть «Любовь и голуби», смотренный-пересмотренный на сто рядов, лишь бы не сериалы эти дурацкие и не про Галкина с Пугачевой. И под фильм будут сначала обсуждать работу, потом начнут вспоминать свою общую молодость... Хотя почему молодость? Они ведь и сейчас молодые! Юность они будут вспоминать, и не беда, что у Таньки с Лёхой двое сыновей-студентов и еще малышка дочка, трехлетняя Анечка, которую, прежде чем приступить к вискарю, Саша должен будет укачать. На его руках дети засыпают как ни на чьих других.

Природа щедро одарила его талантами, в том числе и таким: его руки успокаивали. Как только доктор Корольков начинал осматривать пациента, у того моментально утихала боль.

– Где болит? – спрашивал Саша.

– Так вроде уже и не болит... – отвечал пациент. – Вот вы, доктор, как потрогали, так и перестало...

А потом он останется у них ночевать – в доме его друзей всегда находилось для него место: и в их студенческой хрущевской «однешке», и теперь, когда у Румянцевых появилась просторная, с огромным коридором и двумя сануздами шестикомнатная квартира. Саша иногда оставался у них – спал на диване в кабинете. И теперь он останется, Танька разберет ему диван, застелит чистое, слегка хрустящее белье и скажет:

– Ложись давай, пьянь! Спи спокойно, дорогой товарищ!

И главное, никто не станет лезть в душу, спрашивать фальшивыми голосами: «Ну как там Ариша? Как ее диссертация?», потому что все и так, без слов давно понятно и с Аришей, и с ее диссертацией. И так им будет хорошо втроем: разговаривать, шутить, зная, что тебя поймут. Даже просто молчать, и то вместе хорошо...

Утром он, выспавшись вдоволь на душистых простынях, уедет домой. А там – плевать, что в доме свинарник, оклемается болезная Вера Ивановна и приберет – завалится на кровать с новой книжкой, которую давно уже купил, да все некогда почитать.

Он очень хотел, чтобы Арина успела в аэропорт!

Саша выехал с парковки, развернул тяжелый внедорожник и, насмешливо наблюдая в зеркало, как Арина возится на заднем сиденье, пристраивая свой нулевой номер в бюстгальтер с пуш-апами, вырулил на Гоголя.

Заметив его взгляд, Арина вспыхнула:

– Что ты так смотришь?

– Я? – делано удивился он. – Я не смотрю, родная!

– Почему же? – возмущенно спросила она. – Я вижу!

– Да потому что смотреть-то особо не на что! – захохотал он в ответ.

– Ах ты наглец! Правильно мама говорит, что ты...

– Ну? Ну что я? Что?

– Что ты пролетарий!

– Ах, как страшно жить! – воскликнул Корольков. – Я сейчас заплачу! А Клара-то Захаровна, как я погляжу, прямо двоюродная сестра английской королевы у нас!

– Саша! – из глаз Арины брызнули слезы. – Ну почему ты такой?

– Какой, рыбка моя? Какой?

– Ужасный! Почему ты меня постоянно оскорбляешь?

«Потому что ты дура, – хотел ответить Корольков, но промолчал. – И правда, чего это я? Пусть ее... Все равно ничего не исправить, и она, в конце концов, не виновата, что я в свое время принял то решение». И он примирительно сказал:

– Ариша, детка, прости. Я разозлился на тебя из-за твоей несобранности! Ну как можно было забыть про рейс?

Жена в ответ всхлипнула:

– Ты постоянно тычешь мне, что у меня маленькая грудь! А ведь я могу хоть завтра сделать маммопластику, и все будет так, как тебе нравится!

Эта пресловутая маммопластика была у Арины просто идеей-фикс. А Саша, как и положено тирану и деспоту, не разрешал.

– Арина, – ответил он. – Ты прекрасно знаешь мое отношение к этому мероприятию! Я уже миллион раз говорил тебе, что если ты это сделаешь, я сразу же с тобой разведусь. В лучшем случае я просто перестану с тобой спать.

Они выехали на Вокзальную магистраль: там было еще более-менее свободно. «Слава богу, – подумал Саша. – Есть надежда успеть!»

Он держал руль левой рукой, правая лежала на колене. Снова взглянув в зеркало, он увидел надутые губы и полные слез глаза Арины, но почему-то сегодня ему совсем не было ее жалко. «Ну и пусть рыдает, дура! За восемь лет, если бы она любила меня по-настоящему, могла бы хоть один фильм посмотреть или одну книжку прочитать, чтобы понять меня немного... А вот спать со мной – это ей нравится, а как же! – со злостью думал он. – Поэтому и заткнулась сразу про свои титьки...»

Все дело было в этом. Он уже давно привык к тому, что жизнь его поделена на два этапа: до лета девяносто третьего года и после. Так вот, на этапе «после» Королькову, по большому счету почти всегда, за очень редкими исключениями, которые почему-то имели обыкновение быстро исчезать из его жизни, было все равно, с кем спать. Селена ли, Каролина, Лена или вот – Арина. С Ариной хоть есть предпочтения в виде борщей, котлет и плова, спроворенных Верой Ивановной, а также ею же выглаженных рубашек. Да плюс большая и удобная квартира, по воле случая расположенная в двух шагах от квартиры его, Сашиных, родителей. Она стояла пустая: маму он похоронил еще до армии, а отца – десять лет назад и, выкупив у сестры Тамарки ее долю в наследстве, оставил все, как было при родителях – собственно, держал квартиру просто как память о маме с папой, о своем детстве... Иногда Саша приходил туда совсем один, когда было особенно тоскливо на душе, сидел на кухне у открытой форточки, курил и смотрел на окна дома напротив, где когда-то давно, в далеком девяносто третьем году, был так остро, так недолго и так по-настоящему счастлив.

Юра Чернов, по образованию юрист, в начале нулевых работал в организации под названием «Единая недвижимость», где занимался тем, что регистрировал права на квартиры и помещения. Он и посоветовал Саше, как правильно выкупить Тамаркину долю, и теперь квартира была полностью Сашиной: никто не мог на нее претендовать. Впрочем, та квартира, в которой они жили с Ариной, тоже была собственностью только его жены. Куплено жилье было ее заботливым папочкой еще до их торжественного бракосочетания, о чем не уставала ему напоминать тещенька.

А вот его молодой жене, как он быстро понял, было не все равно, с кем спать. Ну так уж получилось. Поэтому она и терпела его насмешки и его цинизм, хотя, справедливости ради следует отметить, что Корольков далеко не всегда вел себя подобным образом, особенно в начале их семейной жизни.

В общем, сейчас, лежа на кушетке в ординаторской, он понимал, что от трусов в сердечко надо избавляться до того, как он попадет в операционную. «Девкам хватит моей циркумцизии, – мрачно подумал он. – Завтра вся больница будет знать, что у Королькова сделано обрезание. „Семейники“ в сердечко будут перебором. Плюс еще Донна Роза, которая, если эти труселя увидит, потом всю оставшуюся жизнь будет глумиться».

– Ириш, – схитрил он. – Ты иди, готовься, а я подойду.

– Сашенька, а ты дойдешь? – заботливо спросила та. – Может, каталку? Тебе же плохо совсем!

– Дойду! – насколько мог, возмутился он. – Еще не хватало, чтобы больные видели!

– Ну да, ну да... – озабоченно пробормотала Ира: операционная была в другом конце коридора и, чтобы добраться туда, нужно было пройти через все отделение. – Ты уж потихонечку, а то голова может закружиться.

– Ладно, Ир. Давайте уже правда... начинать.

Ира с озабоченным видом быстро пошла в сторону оперблока, а Саша с трудом поднялся с кушетки – ему действительно становилось все хуже. Однако боли сохранялись, значит, подумал он, перитонита еще нет. Он вышел в коридор и прошел в свой кабинет, расположенный напротив. Там по возможности быстро снял штаны вместе с трусами, трусы закинул в шкаф для одежды, а штаны надел обратно. Выдохнув, поплелся, шаркая сланцами, в операционную. Голова кружилась все сильнее, и он подумал: «Какой длинный коридор, как бы дойти и не потерять сознание, а то вот позорище-то будет».

Дойдя до оперблока, оперся ладонью о стену, борясь с подступающей тошнотой, и, наконец, глубоко вздохнув, зашел внутрь.

В небольшом предбаннике сестра невозмутимо, словно он и не был заведованием, брутальной мужчиной и вообще – любимцем женщин, сказала: «Раздеваемся полностью!» – и протянула простынку невразумительного размера, больше похожую на детскую пеленку. – Можете пока замотаться».

Саша, снова вздохнув, скинул с себя штаны и рубаху (сестра и не подумала отвернуться), кое-как обмотал вокруг бедер простынку и пошел ложиться на стол. Сестра крикнула: «Ирина Анатольевна, можете начинать!»

Зашла Ира, и ему стало совсем страшно: под наркозом в сознательном возрасте он не был ни разу, к тому же знал, что будут делать с его телом хирурги, пока он сам будет в отключке. Однако деваться было некуда, и он попросил:

– Давай уже, Ириш... Отключай меня быстрее.

– Сашенька, не волнуйся, – ответила она. – Я все время буду рядом.

Сестра уже привязывала его руки и ноги, Ира измеряла давление. «Все, как всегда, – подумал он. – Только не с кем-то, а со мной!»

От страха он даже не почувствовал укол в вену, зато сразу понял, что уже не может говорить: видимо, органы чувств отключались по очереди. А поговорить хотелось: ему было неудобно лежать, тянуло поясницу, и он силится сказать об этом Ире, но так и не смог.

Проваливаясь окончательно, он услышал громкий хриплый голос Донны Розы: «Ну что, бабоньки? Начали?»

Однако на этом испытания, уготованные хирургу Королькову насмешницей-судьбой, не закончились. Радостное предсказание Юры по поводу того, что Саша очнется уже в палате, не сбылось. С ним случилось то, чему он никогда в жизни не верил: он проснулся во время операции.

Несколько раз в его практике были ситуации, когда пациенты, придя в себя, рассказывали ему странные вещи: мол, слышали голоса, которые ужасно матерились. Саша в таких случаях обрывал рассказчиков: «Вы не могли ничего слышать! Возможно, в самый последний момент, когда вы уже засыпали, а врачи еще не приступили к операции, вы и уловили несколько фраз».

Однако когда он услышал возле себя прокуренный голос Розалии Львовны, сразу понял, что это не сон и не «глюки». Донна Роза возмущенно спрашивала:

– И че, девки? Так уж и не было с ним ни у кого? Светка, вы ж учились вместе! И что, прямо ни разу?!

Саша даже не сразу понял, что речь идет о нем. Сознание было, естественно, неясное, к тому же он стал прислушиваться к своему организму: вдруг будет больно? Организма словно

не было, ощущался только живот, из которого, как ему в тот момент показалось, медленно тянули что-то вроде велосипедной покрышки. Однако боли он не чувствовал.

– Я не в его вкусе, – со вздохом ответил другой голос.

– Ой-вэй! Не в его вкусе! – снова раздался голос доктора Розеншток. – Дуры вы! Мне б лет двадцать скинуть, он бы от меня живым не ушел! Глянь, какой красавец! Все при нем!

– Ну вы даете, Розалия Львовна...

– А что такого-то, Ира! Мы все живые люди, а вы молодые еще, всякое может быть! Вот я бы такого мужика точно не пропустила бы!

– А как же Геннадий Степанович? А, Розалия Львовна? Зажим, – снова раздался голос Светланы. – Держите.

– А что Геннадий Степанович? – ответила та. – Он был, есть и будет есть. Держу. Рассекай. Ирина, а ты чего молчишь? Тоже ничего?

– Роза-а-алия Львовна! – возмущенно протянула Ира. – Нет, конечно. Мы с Сашей друзья.

– Ну и дуры. Зажим.

– Ничего мы не дуры! Извлекаю. У нас мужья есть. Зажим, – возразила Света.

«Капец какой-то, – в панике подумал Саша. – Просто ужас!»

– Вот он, вот он, Светка! Держи! Зажим.

– Держу! Антеградно!

– Слава богу! Перевязываю.

– Зажим. Кювезу.

– Отсекаю.

– Вот он, голубчик! Еще бы немного, и п...ц! – обрадованно произнесла Света.

– Успели! Зажим. Лена, лоб мне промокни.

– Кисетным шьемся?

– Давай.

Саша все хотел дать понять Ире, что с ним что-то не то, но не мог.

– Ой, девки! – снова Донна Роза. – А чего вы говорили, что он не еврей? Смотрите, он же обрезанный!

– А что, если обрезанный, то обязательно еврей? – удивленно спросила Света.

– Ну на мусульманина вроде не похож... Ушила.

– Девочки! – возглас над головой, видимо, Ира наконец что-то заметила. – У него веки! Он глаза открыл!

– Да ну, нафиг, Ирка! – возразила Света. – Так не бывает!

– Еще как бывает, Света! Мне больные рассказывали...

– Ну так добавь ему колдовства в хрустальный мрак бокала! – скомандовала Света. – Хотя что толку, ушиваемся уже.

Ира, видимо, что-то все же добавила, и, отключаясь, Саша вдруг увидел окно на пятом этаже дома напротив, а в нем знакомый силуэт с закрученным на макушке мудреным узлом волос. И так стало хорошо, что она рядом, никуда не делась, что он крикнул: «Катя! Катенька!»

На самом деле ничего он, конечно, не крикнул, поскольку был заинтубирован, как и положено, и говорить, а тем более кричать возможности не имел.

– Саша, Саша, проснись! Я сейчас трубочку вытащу, а ты дыши, не бойся, дыши! Ты понял меня, Саша?

Он прикрыл глаза, показав Ире, что слышит ее и все понял.

– Все, все, Саша, экстубирую! Та-а-ак! Дыши-дыши! Вот молодец! Все, все, дыши!

Саша, на секунду решивший, что дышать не сможет больше никогда, все-таки сделал длинный судорожный вдох и снова отключился. И теперь уже не наяву, как казалось ему

во время операции, а так, как бывает во сне, увидел Катю и позвал вполголоса: «Катенька! Катюша!»

Однако на этот раз у него получилось сделать это вслух. Ира со Светой переглянулись:

– Ир, какая Катя? Ты слышала? Он Катю какую-то зовет...

– Не знаю, Свет, – с великим недоумением в голосе ответила Ира. – Отродясь у него никакой Кати не было...

Корольков снова, страдальчески изогнув брови, ясно позвал: «Катя! Катенька!»

– Нифига себе, Ир! Вот это новости! Что за Катя? – любопытству Светланы, казалось, не было предела.

– Свет, ну под наркозом всяко же бывает... Может, ему что-то снится!

– Да конечно! Рассказывай мне. Я что, первый раз замужем? – возмутилась Света. – Под наркозом все выбалтывают обычно. Интересненько! У его молодухи, похоже, хвосты-то по три метра! – добавила она злорадно. – Все успевает!

– Ладно, давайте, бабоньки, раз-два, взяли! – скомандовала Розалия Львовна.

В этот момент Саша опять пришел в себя и произнес:

– Девки, девки, вы чего, я ж тяжелый!

– А-а-а-а! Тяжелый! – воскликнула медсестра Лена. – Вы того дяденьку в сто девяносто килограмм живого веса не видели, которого мы втроем тягали! А вы пушинка, Александр Леонидович!

– Давайте! – раздался голос Иры. – На раз-два! На каталку. Все. Поехали.

Он почувствовал, как каталка, на которой он уже лежал, поехала, загромыхав, потом развернулась, снова поехала и, наконец, остановилась.

– Саша, Саша, проснись! Мы сейчас тебя переложим на кровать. Помогай нам, а то здесь не развернуться! Раз-два! Молодец! Все, спи.

Он ощутил, как его укрыли одеялом и снова уснул.

До позднего вечера его колбасило: он то просыпался от боли в животе, когда казалось, что рану забыли ушить, до того она саднила, то вроде бы отключался, чуть повернувшись, и боль немного утихала.

За окном было совсем темно, когда в палату зашла Света:

– Сань! Просыпайся! Надо подниматься!

Саша, который только-только нормально уснул – видимо, наркоз переставал действовать, и сон стал почти естественным, без странных мыслей и видений, хрипло возмутился:

– Куда подниматься, ты чего, Свет! Я пошевелиться не могу!

– А ты как хотел, родной! Пять часов прошло! Давай потихоньку-помаленьку вставай и иди.

– Куда иди? – все продолжал недоумевать Корольков.

– Да хоть куда. В сортир вон можешь сходить хотя бы. Сам же знаешь, что ходить надо. Давай я тебе простыню через спинку кровати перекину, будешь на руках подтягиваться, так легче.

– Не надо, я не инвалид. Сам встану, – ответил он.

– Ну гляди...

Очень медленно, по сантиметру – боль отдавала в каждую клеточку его тела, – Саша, опираясь рукой о тумбочку, сполз с кровати и, согнувшись пополам, осторожно переставил сначала одну ногу, потом другую.

– Сань, мы тебе чистые штаны и рубашу надели, – сообщила Света. – Трусов не нашли.

«И слава богу», – подумал Саша, а вслух сказал:

– Спасибо, Светик!

– А чего ты наврал-то, что в трусах? – продолжала измываться она. – Я же тебя еще спросила, что ты без трусов, а ты говоришь, мол, на мне они...

«Да что ж такое сегодня с этими трусами-то, – вымученно подумал Корольков. – Когда это уже кончится!»

– Свет, да фиг с ними, с трусами. Ты чего домой не идешь?

– Ага, а тебя я на кого оставлю? На дежурантов, что ли?

– Да прям, что мне сделается! – усмехнулся Саша. – Давай домой. Пусть Илюха за тобой приедет, одна не ходи, поздно уже! Поняла?

– Ла-а-а-адно... Но ты, если что, сразу мне звони! Утром Абрам придет, я ему про тебя уже все рассказала.

– Иди-иди, я сам как-нибудь, – сказал Саша и, чуть помолчав, добавил:

– Свет...

– А?

– Спасибо...

– Угу, – невнятно пробормотала Света, хотя было видно, что она довольна.

Довольна тем, что он поблагодарил ее так искренне. Довольна, что сделала свою работу чисто и грамотно, что смогла быстро и, можно сказать, в полевых условиях, организовать операцию, довольна, что они успели...

Довольна, что показала Сашке, которого всегда считала талантливым врачом, что она тоже профессионал, хоть и рабочая лошадка по сравнению с ним – одаренным хирургом, который постоянно придумывал что-то новое в их работе, даже там, где, казалось бы, ничего нового придумать уже невозможно.

Лето 1994 года

Света раз и навсегда признала пальму первенства за Корольковым, когда они все – Лёша, Саша и Света – были еще студентами и только начинали работать у Мусина в отделении.

На дворе стояло лето 1994 года – страшное и непонятное время, хотя им, молодым, тогда казалось, что все понятно. Может, потому, что думать на эту тему ни Светлане, ни ее друзьям – Саше и Лёше – было некогда.

Все трое были одержимы медициной, хирургией, знали, что только в этом их призвание, а времена – что ж... Времена всегда тяжелые.

В те годы врачам жилось тяжело: зарплату, и без того мизерную, не платили месяцами, и многие доктора вынуждены были уйти из профессии, чтобы их семьи не умерли от голода. Другие не выдерживали свалившейся на них нагрузки: работать приходилось за себя и за того парня – на две, а то и на три ставки, и люди, физически не выдерживая, уходили.

Оставались самые стойкие да те, у кого выросли и стали на ноги дети, которых уже не нужно было учить и кормить. Эти люди понимали, что если уйдут и они, то лечить больных будет просто некому. Так происходило повсеместно, во всех лечебных учреждениях, однако в горбольнице номер четыре дела обстояли более-менее благополучно. Тогдашняя главврач была не только профессионалом своего дела, но и хорошим администратором: она организовала работу клиники таким образом, что сотрудники все-таки могли не падать в голодные обмороки во время работы и чем-то кормить свои семьи.

Главврач заключила договор с одним из немногих оставшихся в области хозяйств, которое функционировало и продавало свою продукцию. Больница обслуживала работников этого сельхозпредприятия по всем направлениям, а хозяйство, в свою очередь, поставляло в клинику овощи, мясо, молочные продукты, яйца, словом, все то, что выращивало и производило.

Она расширила штат и помещение пищеблока, что позволило кормить не только пациентов, но и сотрудников клиники. Все врачи, медсестры, санитары и прочие работники больницы получали талоны на двухразовое питание в столовой. Неиспользованные талоны можно было выдать хоть какими-то продуктами.

И только за счет этого многие не увольнялись, что позволило сохранить клинику. Часто в больнице работали семьями, и при другом положении вещей один из супругов должен был бы уволиться, чтобы кормить семью, а так работать продолжали оба.

Главврач строго следила за работой пищеблока, чуть не лично пересчитывая каждое яйцо и перевешивая каждый килограмм мяса. Если кто-то из столовских начинал подворовывать, увольняла нещадно, без предупреждения и без расчета, по статье «за халатность». Сотрудники пищеблока знали об этом, и после нескольких таких увольнений воровство прекратилось.

Для детей своих работников эта удивительная женщина смогла в те страшные времена организовать летний православный лагерь. Все в том же хозяйстве, которое поставляло в больницу продукты, пустовали два барака, раньше использовавшихся во время уборочной. Отец Сергей, больничный священник, и с ним несколько монахинь из Кольванского женского монастыря забирали в начале июня всех ребятишек, от мала до велика, которых родителям, день и ночь работающим в больнице, некуда было девать, и выезжали с ними на природу. Сначала готовили к сезону бараки, организовывали кухню и баню, а потом на автобусах, выделенных одним из автопредприятий города стараниями все той же главврача, везли ребятишек в летний лагерь. Отец Сергей, десантник, отслуживший в Афганистане, учил детей всему, что умел сам: как разжечь огонь, как ориентироваться в лесу, как защитить себя от нападения. Вечерами в лагере был костер, песни под гитару, рассказы отца Сергея про разное: когда про бога, а когда про службу в армии или спортивное прошлое. Самых маленьких спать укладывали сестры, и на ночь для них всегда были стакан молока с печенюшкой и сказка.

Вот так и выживала в то время городская больница номер четыре и ее сотрудники.

Тем не менее врачей и среднего медперсонала не хватало, и трое ребят, каждый из которых пришел в медицину осознанно и готов был работать с утра до вечера, только бы стать настоящим хирургом, были на вес золота.

Лёша Румянцев, Света Гулькина и Саша Корольков работали в отделении неотложной хирургии, которым руководил Семён Маркович Мусин. Сначала туда устроился медбратом Саша, а потом, видя, что средний персонал нужен как воздух, испросив согласия Мусина, привел своих друзей. Все трое дежурили ночами, поскольку днем учились. Работали ребята через ночь, а иногда и каждую ночь, и как они это выдерживали, одному богу известно, однако никто не жаловался, обязанности свои выполняли добросовестно и серьезно. Еще и умудрялись учиться у хирургов разным премудростям профессии, часто стоя за спинами врачей во время операций.

Самым крутым из них троих был Сашка: он поработал несколько месяцев на скорой и отслужил в санбате. Лёша тоже отслужил в армии, но не в медицинском батальоне, а в ракетных войсках. Он не поступил в медицинский институт после школы, и его призвали в армию. Саша же, проучившись почти четыре курса, не сдал проклятую аллергологию, и был отчислен, поэтому и служил потом в медбате. Таким образом, на пятом курсе они оказались вместе. Света же была моложе ребят на два года, потому что в армии не служила и поступила сразу после школы.

В ту ночь в отделении неотложной хирургии дежурили Света и Саша. Единственный на два отделения – неотложной хирургии и травматологии – врач, немолодой хирург Николай Петрович Ковалёв, оставив отделение на Сашу и Свету, оперировал с ординатором-травматологом Димой Капустиным поступившего экстренного пациента – пострадавшего в аварии мотоциклиста.

Светка сидела в приемном покое, Саша – на посту в отделении. Было около двух часов ночи, стояла тишина, и только стрекот кузнечиков слышался из больничного парка, окружающего корпуса старейшей в городе клиники.

Саша вышел в коридор и закурил в окошко на лестничной площадке первого этажа, приоткрыв дверь в отделение: на всякий случай, ведь по-хорошему, с поста уходить не полагалось. Тут дверь из приемного покоя открылась, и показалась испуганная, с вытаращенными глазами Светлана:

– Саня-я-я-я...

– Чего такое?

– Са-а-а-ань... Там, на крыльце... Сидит кто-то... И кровь...

Саша отреагировал, как всегда, быстро: затушил сигарету и, бросив Свете через плечо: «Иди на пост», прошел через приемный покой и выглянул на улицу. На крыльце и вправду, привалившись спиной к перилам, сидел человек. Это был молодой мужик в трико и кожаной куртке, под которой виднелась белая футболка, буквально пропитанная кровью. Он держался правой рукой за левое плечо, и на ступеньках возле него была кровь – немного, но лужица натекла вполне заметная. Увидев Сашу в белом халате, парень прохрипел:

– Братан, перевяжи меня! Пулевое в плечо, кровища, видишь, хлещет...

Саша сразу сообразил, что перед ним боец какой-то бандитской группировки, раненный во время разборок. Дело было обычное, по ночам в Новосибирске то и дело стреляли – шел бесконечный передел сфер бандитского влияния, и народ уже не удивлялся, когда в ночи раздавались выстрелы или визг тормозов, а то и просто звуки поножовщины с криками и воплями.

– Идти можешь? – спросил он ночного гостя.

– Могу, – ответит тот и добавил: – Они могут сюда нагрянуть, братан, добивать меня.

Надо кровь как-то убрать, я вроде оторвался от них, но мало ли... Спрячешь?

– Спрячу, – сказал Саша. – Пошли.

Парень с трудом поднялся и, все так же зажимая рукой рану, пошел за Сашей.

Войдя в коридор, Саша шепотом, чтобы, боже упаси, не разбудить кого-то из больных, позвал:

– Светка! Светка! Иди сюда!

Та, испуганно подняв голову и увидев его, подошла.

– Так, давай быстро, Светик! Быстро! Ведро и швабру и отмывай кровь на крыльце. Только так, чтобы ничего не осталось, поняла меня?

Поскольку во время дежурств им часто приходилось выполнять еще и обязанности санитаров – мыть полы, туалеты, лестницы, то где находятся ведра и тряпки, оба прекрасно знали. Под лестницей была крошечная незаметная каморочка, в которой все эти орудия труда и располагались.

Света, едва взглянув на Сашу, поняла, что дело серьезное, времени на вопросы нет, и кинулась к каморке.

– Потом избушку на клюшку сразу! Поняла, Света? И ко мне.

– Да, поняла, все поняла, Саш!

– Так... С тобой... С тобой... – обернулся он к раненому, вытащил из шкафа чистый халат и накинул его на плечи парню. – Пошли, только старайся не топтать, не дай бог, кто проснется – нам хана.

Придерживая пошатывающегося раненого, Саша осторожно повел его через отделение в процедурный кабинет. Окно процедурного выходило на противоположную от главного входа сторону, в глухой больничный дворик, поэтому можно было почти не опасаться, что если вдруг кто-то и подойдет к зданию, то увидит, что в одном из окон горит свет.

Саша закрыл дверь, щелкнул выключателем. Снял с парня халат и бросил его на пол у двери. Потом усадил его на кушетку и снял сначала правый рукав его куртки, потом, очень осторожно – левый. В кармане было что-то тяжелое – оружие, догадался Саша.

– Так, давай я посмотрю. Тихо, тихо, не бойся, я пока ничего не трогаю.

Саша быстро и тщательно вымыл руки, надел перчатки:

– Ну все, сидим тихо!

Направив лампу на руку раненого, он взял пинцет и кривые хирургические ножницы. Парень испуганно посмотрел на Сашу. Тот, заметив его взгляд, успокоил:

– Не бойся, я рукав от футболки сначала отрежу и уберу. Сиди спокойно, я скажу тебе, когда начну смотреть.

Тот судорожно вздохнул и сказал:

– Сестренка там убралась? Вдруг найдут?

– Сейчас она придет. Дверь закроет и придет.

Саша осторожно отогнул пинцетом ткань рукава от краев раны и стал ножницами обрезать рукав. Отрезав, выбросил его на пол. Отложив инструменты в металлическую кювету, стал ощупывать раненую руку. Парень тихонько застонал.

– Где больно? Здесь?

– Да.

– А вот здесь если надавлю?

– Здесь меньше.

– Все понятно. Сидим.

Корольков подошел к стеклянному шкафу и стал доставать инструменты и все, что было необходимо для извлечения пули и обработки раны. «Так, – на ходу размышлял он. – Антибиотик я ему дам, спишу на бабу из третьей палаты, все равно она ни хрена не помнит... Противостолбнячную сыворотку тоже смогу списать, если что, в следующее дежурство или скажу, что разбил во время перевязок. А вот с лидокаином задница. Все под запись, и даже новокаина нет».

– Братан! – позвал бандит.

– Чего?

– Ты ж мусоров не вызывай, христом-богом! Я тебе денег дам. А, братан?

Парень, видно, решил, что Саша раздумывает, звонить ли в милицию.

– Да не надо мне твоих денег. Никого я вызывать не собираюсь, – улыбнулся Корольков. – Я стою, думаю, чем тебе обезболить буду.

– А-а-а... – с облегчением выдохнул ночной посетитель.

В процедурный вошла Света и тихонько закрыла за собой дверь:

– Ну все, Саш, убрала, – доложила она.

– Не осталось ничего?

– Нет, я прямо два ведра воды вылила на ступеньки и потом внизу все протерла. Все чисто.

Парень на кушетке встрепенулся:

– Спасибо тебе, сестренка!

– Да мне-то за что? – удивилась Света. – Его вон благодари!

Саша прервал их светскую беседу:

– Света, руки мой!

– Да-да, – торопливо ответила та. – Сейчас, Саш.

– Дверь-то входную закрыла?

– Конечно, ты же сказал!

– Молоток! Все, поехали, – скомандовал Корольков.

Он достал с нижней полки шкафа пузырек со спиртом, вылил его в стакан – получилось около половины, добавил туда еще на четверть воды из-под крана и протянул парню:

– На, пей.

– Что это? – спросил тот.

– Анестезия твоя, куда деваться, – вздохнул Саша. – Лекарств нет...

Раненый, выдохнув в сторону, послушно поднес к губам стакан со спиртом, сделал пару глотков, и глаза у него полезли на лоб: спирт, хоть и разведенный, обжигал горло.

– Давай-давай, – поддержал его Саша. – Везет тебе! Сам бы сейчас соточку замахнул, да нельзя во время дежурства.

С усилием допив стакан, ночной пациент протянул его Свете, жадно ловя воздух открытым ртом.

– Тебя как зовут-то? – спросил Корольков.

– Саша...

– О, тетка, значит! – обрадовался Корольков. – И меня Саша. Ну все, начали. Кричать нельзя. Ты понял меня, Саня? Будет больно, но ты должен терпеть, это не смертельно.

В ответ Саня тяжело вздохнул.

– Торкнуло тебя?

– Да, вроде есть маленько...

– Ну и хорошо-о-о-о... – нараспев начал говорить Корольков. – Сейчас мы ее, голубушку, вытащи-и-им...

Света во все глаза смотрела, как Корольков обрабатывает края раны, как, надев очки, спокойно ощупывает Сашину руку, направив на нее лампу. Сама же Света тряслась, как осинный листок, и вскоре у нее от страха совершенно отчетливо начали клцать зубы. Заметив это, Корольков вполголоса произнес:

– Света! Подготовь два шприца! Ты слышишь? Противостолбнячную и вон тот антибиотик, я выложил, ампула на столе.

– Да! – очнулась Света. – Да-да, Саша, я сейчас.

– Не дергайся, Свет, – все так же медленно и слегка нараспев продолжал Корольков. – Я делал это в армии...

Помолчав, он, обращаясь к обоим, сказал:

– Пуля рядом... Кость не задета... Это очень хорошо. Я сейчас сделаю надрез скальпелем и вытащу ее. Нам повезло... Терпи, Саня, ты мужик! Не сможешь терпеть – грызи спинку стула, только не ори... Похоже, рикошетом, да, Сань?

– Угу...

– Из чего?

– Из обреза...

Света поняла, что Саша просто таким образом отвлекает раненого, а сам уже поднес к его руке скальпель и быстро рассек кожу и верхний слой мышц.

Раненый замычал, но, надо отдать ему должное, очень тихо.

– Все, все, Саня, все-е-е... Вот она! Света! Пинцет!

Она быстро протянула ему пинцет и, как замороженная, снова уставилась на рану.

– Кровотечение у тебя, Сань, небольшое, – продолжал Корольков, а сам уже извлекал пулю. – Называется капиллярное... Это когда кровь идет медленно и по каплям... Это очень хорошо-о-о-о... Не шевелись... Та-а-а-ак... Вот она! Кювезу! Все!

Пуля, тяжело звякнув, упала в подставленную Светой кювезу.

– Вот она! Потом на память заберешь. Света, сушим! – сказал он и, обращаясь снова к раненому, продолжил: – Саша, мы сейчас остановим кровь, и надо будет еще немного потерпеть, я зашью. Ты понял?

– Угу, – проспипел Саня.

– Анестезия-то не прошла еще?

– Да нормально, братан! Делай, как положено! Я терплю.

– Молодец! Здесь всего-то пару швов, и все...

Прижав пальцами края раны, Саша дождался, пока кровотечение стало меньше, и начал сушить рану стерильными салфетками. Потом очень быстро наложил швы. Его тезка терпел: тихонько постанывал.

Света приготовила тем временем шприцы с препаратами и, как только Саша наложил повязку, поставила раненому два укола.

– Молодец, Светик! — похвалил Корольков. – Беру тебя в ассистенты!

– Сань! – обратился к нему бандит. – А че, по правде обезболивающих нет?

– Нет, Саша, – грустно ответил Корольков. – Мы даже ребятишкам шестнадцатилетним аппендицит под местным наркозом делаем.

Они все-таки пришли. Когда Саша, собрав все инструменты и положив их в кювету вместе с использованными шприцами и ампулами, протянул кювету Свете со словами: «Пока спрячь в каморку, потом подбросим в обработку», раздался стук в дверь отделения. Они услышали его, потому что приоткрыли дверь процедурного: было очень жарко.

Светка замерла, испуганно глядя на Сашу. Тот быстро выключил свет, тихо выматерился, собрал с пола окровавленный халат, который накидывал на плечи раненому, остатки его футболки, салфетки и комом сунул все это ей в руки. Кожаную куртку перекинул Сане через здоровое плечо.

– Так. Оба в каморку со всем этим хозяйством! И сидеть там, как мышки!

– Слышь, Саня, – позвал пациент, у меня тэтэшник есть, возьми...

– Не надо. Здесь больница, а не «стрелки» ваши.

– Так они с оружием, Сань... – попытался возразить раненый.

– Разберемся, – махнул рукой Корольков. – Все, быстро под лестницу!

– А ты? – Свету аж трясло от страха.

– Я сам. Все, Света! Идите. И-ди-те!

Проследив, чтобы они уторкались в каморку, он закрыл снаружи небольшую незаметную дверку и пошел к входной двери, на ходу доставая из кармана сигареты и спички.

Открыв дверь, Саша молча вышел на крыльцо и увидел в предзакатных сумерках, смешанных со светом фонарей, стоящих на дорожке двух парней в таких же кожаных куртках, как та, что была на его раненом тезке. У одного из пришельцев в руках был короткоствольный «калаш».

«Нифига себе», – подумал Саша и стал молча закуривать, пряча спичку в сложенных ковшиком ладонях. Закурив, бросил спичку в урну и с совершенно равнодушным лицом, словно в трех метрах от него не стояли двое бандитов с оружием, затаился.

– Слышь, братан! – окликнул его один из парней.

Саша взглянул на него и, ничего не ответив, снова затаился.

– Ты тут старшой?

– Да, – спокойно и безо всякого выражения ответил Саша, продолжая курить.

– Тут это... Такое дело... Дружок наш к тебе не приходил?

Саша молчал и внимательно и бесстрастно смотрел вопрошающему прямо в лицо, избегая, тем не менее, его взгляда.

Получалось, что взгляд упирался парню выше переносицы. «Все правильно, – думал Саша. – Сюда и надо». Парень не то чтобы засуетился, но стал уточнять:

– Дружок наш, здоровый такой, в кожанке... Подраненный он... А? Может, забегал?

– Нет, – спокойно ответил Саша, снова затаился и, не отрывая взгляда ото лба бандита, замолчал.

Корольков смотрел на него все так же без выражения, однако парни сникли:

– Ну понятно... Нет, значит...

Саша молчал и курил. «Скоро сигарета кончится, – подумал он. – Что тогда делать-то?»

– Куда же он... Пошли, ладно... Извини, братан...

– Да ничего, бывает, – равнодушно ответил Саша.

Он дождался, пока парни скроются за поворотом, и только тогда затушил догоревшую до фильтра сигарету и, войдя в здание, спокойно закрыл дверь на замок.

Почему они не стали ему угрожать, рваться в отделение, чтобы вывернуть там все наизнанку в поисках раненого? Саша долго потом задавался этими вопросами, строя различные догадки и версии произошедшего. Возможно, думал он, оружие у них не было заряжено. Возможно, они уже очень устали, прочесывая окрестности. Вероятно, это не были их личные счеты с бандитом Саней, и кто-то просто отправил их его искать, а искать было уже неохота...

Однако Корольков понимал, что дело было не только и не столько в этом. Его хладнокровие и правильное поведение в этой непростой ситуации тоже сыграли свою роль. Гордиться было как-то не комильфо даже с самим собой, но выводы Саша сделал. Эта переделка много ему дала: он начал чувствовать свою внутреннюю силу, понимать, что может влиять на людей и подчинять их себе. Это очень пригодилось ему потом, когда он стал врачом и часто отстаивал свои диагнозы, свою точку зрения на терапию. Тем не менее, за свои решения и за свои слова Саша отвечал всегда сам, и люди чувствовали это. Если Корольков сказал, значит, он сделает. А если сделает, то ответит.

Трудную жизненную позицию выбрал для себя Саша, но, как считал он сам, единственно возможную для настоящего мужчины и для настоящего хирурга.

Выпустив из каморки полуживую от страха Свету и своего необычного пациента, Саша сначала ликвидировал последствия ночного происшествия: собрал в тугий ком окровавленные тряпки, включая халат, затолкал все это в пакет и положил в свою спортивную сумку. «Унесу домой, – решил он. – А там выброшу в помойку». Инструменты подбросил в обработку, а шприцы и ампулы вместе с упаковкой завернул в обрывок газеты и тоже положил в свою сумку. Осмотрел процедурный – вроде все чисто, – и, наконец, переключился на бестолково топчущихся на лестничной клетке Свету и Саню.

– Ну а вы чего? Света, что ты тут стоишь-то, е-мое! Иди сядь на пост! Скоро Петрович вернется!

– Да-да, Сашенька, иду! – белыми от страха губами пролепетала Света.

– Света, – твердо сказал он. – Все уже. В-се! Иди.

– Саша, я покурить хочу... Я так испугалась!

– Потерпишь пока, – ответил он. – Иди на пост, скоро бабки начнут в сортир шастать, а тебя нет. Сразу же стучать побегут, как будто не знаешь!

Он повернулся в Саню:

– Ты-то как, страдалец ты мой? Сильно болит?

Тот восхищенно протянул:

– Ну ты даешь! Оружия не забоялся! Мужик!

– Утомонись, Сань, – ответил Корольков. – О себе думай. Куда ты сейчас?

– Так это, Сань, к своим пацанам пойду, здесь хата не очень далеко.

– Голова не кружится?

– Не. Нормально. Дойду. Я тут все дворы знаю и все проходы. Сейчас через частный сектор, там сам черт меня не найдет...

– Ну гляди, – согласился Саша. – У вас доктор-то есть свой?

– Есть!

– Тебе надо будет к нему!

– Нет проблем, привезут доктора, – заверил его Саня. – Мне до своих только добраться.

– Тогда стой, я сейчас.

Саша быстро повернулся и пошел в процедурный. Вернувшись, принес с собой газетный сверток:

– Вот здесь ампулы от препаратов, которые мы тебе вводили. Покажешь врачу. Пуля твоя там же. И Саня... Просьба. Никому ни слова, что у нас был. Нам со Светкой тут еще работать...

– Да что ж я, – слегка возмутился парень. – Без понятия, что ли! Без б, Сань!

– Ну все, давай!

– Давай! Спасибо тебе, док!

– Я еще не доктор, Саш, – улыбнулся Корольков. – Я студент.

– Да ладно! – поразился тот. – Нифига себе! Я думал, ты врач!

– Ну извини, – развел руками Саша. – Чем богаты...

– Значит, будешь! Спасибо вам, ребята, я ваш должник теперь.

– Иди уже, должник... – махнула рукой Света.

– Пока!

Он вышел из здания, скользнул в кусты и сразу скрылся из вида.

– Света, – вернул ее к действительности голос Королькова. – На пост.

– Да...

За исключением того, что ночь улетела коту под хвост – ни вздремнуть, ни повторить конспекты они, естественно, не успели – все сложилось как нельзя лучше. Никто из больных по коридорам не ходил, дежурных не искал, доктора не звал. Никого, кроме того бедолаги, жертвы ДТП, которого полночи оперировали Николай Петрович с Димой Капустиным, не привезли – даже удивительно. Парню они помогли, от бандитов благополучно избавились. У Саши поднялось настроение: новый день начинался прекрасно!

На часах было 4—30, когда в отделение заглянул Николай Петрович:

– Ну что, бойцы? Как тут у вас? Без эксцессов?

Корольков выглянул из приемного покоя и, позевывая, ответил:

– Да нормально...

– Из четвертой Пушкареву давление мерил?

– Нет еще. Он спит...

– Иди мерь, – мотнул головой Ковалёв. – Вечно напоминать надо!

– Хорошо, Николай Петрович, – смиренно согласился Саша.

– Светка чего?

– На посту.

– Ну все, Корольков, – ворчливо произнес Ковалёв. – Я спать. Умаялись с Димкой... Три перелома, разрыв селезенки, рваные раны... Мотоциклисты херовы, гонщики, блин, серебряной мечты! Хорошо хоть, мозгами по асфальту не раскинул, мать его растуда.

Саша, взяв тонометр, отправился в четвертую палату, измерил больному давление и отпустил, наконец, истомившуюся Свету покурить. Когда та вернулась, то увидела, что Корольков, уронив голову на скрещенные руки и слегка посапывая, спит, сидя за столом в приемном покое. Света облегченно вздохнула и тихонько скользнула в отделение.

Разбудил его голос сестры-хозяйки Семёновны, гремевшей чем-то в коридоре:

– Где халат-то мой делся? Нет, ну ничего оставить нельзя! Вечером уходила, халат вот тут, в шкафе, повесила, и нету! Что ж такое деется-то, а? Ведь вот все утянут, студенты эти проклятые! – разорялась она.

Семёновна была маленькой, кривоногой и пузатой бабенкой лет пятидесяти с неизменной рыжей короткой «химкой» и отвратительным визгливым голосом. Она патологически ненавидела всех мужиков, а Сашу, по непонятной для него самой причине, особенно. Заодно Семёновна ненавидела молодых медсестер, а санитарок и подавно, о чем не уставала оповещать общественность.

– Что творится-то, а? – продолжала истерить она. – Ведь новый был халат!

Саша, зевая во весь рот, вышел в коридор:

– Чего базлаешь, Семёновна? Люди спят еще!

– А! – обернулась к нему тетка. – Корольков! Ты, что ль, седня в ночь был?

– Ну я, а че?

– Где мой халат делся, вот тут вот висел? А? – уставилась она на него своими колючими глазками.

– Откуда я знаю? – пожал плечами Саша.

– Нет, погоди, рожа твоя бесстыжая! – уперла руки в боки Семёновна. – Я вечером уходила, в шкафе его повесила, а счас пришла – нету! Где халат, окромя тебя, некому!

– Да пошла ты со своим халатом, – лениво зевнув, ответил Корольков. – На хер он мне облокотился...

– А-а-а! Конечно! На хер облокотился, новый халат! – снова заверещала Семёновна. – Баб своих, поди, сюда водишь, сучонок, по ночам, да мой халат под их, прокституток, подстилаешь!

В ответ Саша, глядя в ее бесцветные злые глазки, заржал:

– Мне, Семёновна, если надо, я в этом деле и без халата обойдусь! Особенно без твоего!

– Ах ты, скотина же какая, а! Кобелюга чертова! Я Семён Маркычу пожалуюсь!

– О! – одобрительно воскликнул Корольков. – Это дело хорошее, Семёновна! Жалуйся, конечно! Вот Семён Маркович обрадуется, халат твой искать кинется!

Ему доставляло удовольствие доводить до белого каления эту отвратительную тетку, у которой снега зимой никогда было не выпросить, и которая вечно шныряла по отделению, что-то вынюхивая и высматривая, вместо того, чтобы сидеть в своей каморке и вовремя выдавать персоналу чистую форму и белье.

– Или Светка ваша, – набрав в легкие воздуха, продолжала визжать Семёновна. – Подстилка малолетняя! Кобелей сюда таскает, да на моем халате...

– Слышь, ты, – хрипло оборвал ее Корольков. – Кочерга старая!

Он стоял, засунув руки в карманы, совсем рядом с Семёновной, едва достающей ему до плеча, и с такой ненавистью смотрел на нее сверху вниз, что та попятилась и замолкла.

– Рот свой поганый закрой, – продолжал он. – Еще хоть раз за Светку что-нибудь вякнешь, я тебе... – он оглянулся, нет ли кого поблизости. Никого не было. – Скальпелем язык вырежу. Поняла-а-а-а?

«До Высоцкого с его „горбатым“, конечно, далековато, – подумал про себя Саша. – Но тоже очень даже ничего! Впечатляюще».

– Поняла-а-а-а? – еще страшнее переспросил он.

– Да, поняла, поняла, – с ужасом глядя на него, дрожащим голосом ответила Семёновна. – Все поняла, Саша...

Корольков прекрасно знал, как следует разговаривать с подобными представителями рода человеческого. Хорошего обращения такие индивидуумы не понимают – только силу. Бить ее он никогда в жизни бы не стал, хотя хотелось, но, будь это мужик, врезал бы со всей дури по зубам, не боясь повредить всегда оберегаемые руки.

Про себя он со смехом выслушивал от Семёновны любые гадости, понимая, что она находится на столь недостижимо низком уровне, что всерьез воспринимать ее твяканье было бы по меньшей мере глупо. Но как только эта бесноватая старая ведьма переключилась на Свету, Саша вышел из себя.

«Ах ты, тварь какая, – думал он. – Да Светка еще ребенок, девчонка совсем! Ладно я, мужик, всякое бывало, может, и прознала эта стерва, что в прошедшую зиму пару раз заглядывала ко мне на огонек медсестричка Элечка из гинекологии... Но на Светку!»

История с раненым бандитом и его оппонентами с «калашом» так и канула бы в Лету, оставив с годами после себя лишь размытые воспоминания, если бы через несколько дней

Сашу, выходящего утром после очередного дежурства из больничного корпуса, не окликнул чей-то голос:

– Ты не Саня?

Он притормозил и оглянулся. Со скамейки поднялся мальчишка-подросток лет пятнадцати.

– Ну я Саня, – ответил Корольков.

– Я от Сани. Передать он тебе велел...

У Саши засосало под ложечкой: «Ну все, – подумал он. – Началось. Сейчас этот паренек скажет, что нам со Светкой надо залечь на дно, иначе нас найдут и расчленят».

– Что передать? – вскинул он голову в сторону мальчика.

– Вот, – паренек подошел и протянул Саше руку, сжатую в кулак, как будто хотел поделиться с ним горстью семечек. – Держи.

Саша машинально протянул ему раскрытую ладонь, и мальчишка положил ему в руку что-то тяжелое, явно металлическое, завернутое в замызганный носовой платок.

– Что это? – удивился Корольков.

– Сашка сказал, тебе и медсестре. Увидишь, – ответил тот.

– А ты кто? – взглянул мальчику в лицо Саша.

– Я его брательник младший, – улыбнулся тот. – Он велел спасибо передать, мол, ты знаешь, за что.

– А-а-а... – протянул Корольков.

– Ну я пошел, – шагнул в сторону паренек. – Пока!

– Да, – растерянно ответил Саша. – Пока...

Когда мальчик скрылся из вида, Корольков сел на скамейку и развернул платок. Там оказались две золотые цепочки: одна – большая, граммов семьдесят, явно мужская, модного плетения «бисмарк», вторая – потоньше, но тоже очень массивная, выполненная каким-то другим узором, женская. Обе цепи были, естественно, без бирок, и с кого их содрал бандюган Саня – с живых ли людей или с мертвых, или просто забрал за долги, оставалось лишь гадать... Однако оба – и Саша, и Света, не сговариваясь, носили их потом всегда, почти не снимая, в память об этом диком и романтическом приключении, произошедшем в такое безумное и такое свободное время, в память о своей юности.

Март 2015 года

Света позвонила домой, и через полчаса в Сашину палату вошел Илья Борисович Левин, Светин муж и близкий друг Королькова. К моменту описываемых событий за Левиным прочно закрепилось прозвище Илюха-триста шестьдесят пять: именно столько операций в год проводил знаменитый уролог доцент Левин.

– Сань, привет! – протянул ему руку Илья. – Как ты? Самочувствие? Температура? – он пощупал Сашин лоб. – По-моему, еще есть...

– Да есть еще, Илюх... Пить охота, сил никаких нет, – пожаловался другу Корольков.

– Сань, нельзя, ты прекрасно знаешь, – строго ответил тот.

– Конечно, знаю... Езжайте домой, Илюх. Светка на ногах весь день, да тут я еще...

– Слушай, – несколько удивленно произнес Левин. – Ну тебя прямо быстро скрутило! Мне аппендицит на втором курсе удаляли, так я сначала сутки маялся: то рвота, то с горшка не слазил... А тебя – раз! И все!

– Угу... – мрачно кивнул Саша и воровато оглянулся на дверь. – Посмотри, что там мне Ирка колола? Я, прикинь, во время операции проснулся!

– Да ты что? – поразился Илья.

– Ну! Только ты Светке не говори. А то они там с девками трепались, а я все слышал... – шепотом попросил Корольков.

– Нифига себе! – так же шепотом, чтобы, не дай бог, не услышала жена, воскликнул доцент Левин. – Я думал, так не бывает! А ведь мне больные говорили...

– Да я сам раньше не верил, Илюх!

– Может, приснилось, а, Сань? – засомневался тот.

– Да нет же, говорю тебе, – насколько мог, экспрессивно, возразил Саша. – Я слышал все! Ну не все, конечно, временами-то проваливался...

– Ну дела... – протянул Илья Борисович и с любопытством спросил: – А чего они говорили-то?

– Да-а-а... Хрень всякую, – отмахнулся Корольков. – Бабские базары... Посмотри, там, на столе, бумажка для Абрама, он утром придет. Чем она сейчас мне обезболивала? Болит, сил нет, Илюх... Ты уколи мне еще, я хоть посплю немного!

– Сейчас, Сань, – сочувственно произнес верный друг. – Все сделаем! Утром легче будет, потерпи!

– Давай, – поторопил его Саша. – А то Светик с этим строго, лишнего не даст! А мне что, прикажете всю ночь терпеть? Я спать хочу.

Илья, немного поругавшись с женой, которая была против двойной дозы обезболивающего, сделал Саше укол, и супруги уехали домой, тысячу раз повторив, чтобы тот сразу звонил, если станет плохо. Саша же, оставшись один, еще раз совершил подвиг: поднял себя с кровати и дотащил до туалета и обратно. Подумав, лечь не стал, а развернулся и потихоньку поплелся к себе в кабинет – там были сигареты. Страшно жалея, что не сообразил попросить Илью принести их или оставить ему парочку своих, он шел по коридору, одной рукой держа разрезанный живот, а второй время от времени опираясь о стену.

– Александр Леонидович, куда вы? – окликнула его постовая сестра Валя.

– Надо, – коротко ответил он, морщась от боли.

– Да вы что ж не позвали! – всплеснула руками Валентина. – Я бы принесла, что нужно!

– Ходить надо, Валя, – снова скривившись, ответил он. – Сам.

– Вы, наверно, курить хотите? – догадалась та. – Идите, я принесу и окно открою, Александр Леонидович!

– Они на столе лежат, Валюш, – согласился Корольков. – И зажигалку с пепельницей.

– Конечно! Идите в палату, господа, сказали бы сразу... – покачала она головой. – Идите.

Саша с облегчением вернулся в палату. Обезболивающее начало понемногу действовать, и боль стала чуть менее нестерпимой. С трудом уместившись полусидя на кровати, он облизнул пересохшие губы: пить хотелось так, что, казалось, отдал бы все за глоток воды.

Зашла Валентина, протянула ему сигареты и зажигалку, поставила на тумбочку пепельницу и открыла створку пластикового окна на проветривание. Взглянув на заведующего, сказала:

– Только вот ведь покурите, так еще больше пить будет хотеться...

– Да больше уже некуда, Валюша, – криво усмехнувшись, ответил он. – Не ругаешь даже меня...

– Так я что ж, без понятия, что ли, Александр Леонидович! Мужику покурить после такого стресса надо! Поди все равно страху-то натерпелись, мы же все живые люди.

– Вот смотрю я на тебя, Валентина... Сядь, посиди немного, никуда твой пост не денется... – жадно затягиваясь, произнес Корольков. – Насколько средний персонал человечнее нас, врачей...

Валя, примостившись на стуле, заулыбалась. Саша тоже улыбнулся:

– Вот доктор Гулькина хрена бы лысого мне покурить дала! Она мне даже обезболивающее повторно не хотела колоть, хорошо, Илья Борисович заступился. А ты вот, умница, сигаретку мне принесла! Спасибо тебе, Валечка, душа моя!

– Так а как вам не принести сигаретку, Александр Леонидович, когда вы у нас такой хороший!

– Ладно тебе, хороший... – усмехнулся он. – Ору, матом ругаюсь...

– Так вы ж за дело только, – удивленно вскинула брови Валя.

– Как Пашка-то, Валюш? Ходит на бокс?

– Ой, ходит, ходит! – заволновалась Валентина. – Я уж и отцу Сергию говорила, что дай вам бог обоим здоровья, помогли! Что бы я одна могла с ним сделать... День и ночь на работе...

Пару месяцев назад Саша, проходя вечером мимо поста, увидел, что Валентина, вся красная и зареванная, утирает глаза платком.

– Валя, что случилось? – строго спросил он. – Что за слезы во время работы?

В ответ женщина всхлипнула и срывающимся голосом ответила:

– Да Пашку моего... В полицию загребли... Вроде б как в «Горожанке» на кассе с дружбабаном что-то украли... Жвачку, что ли... Господи, да он у меня никогда чужого не возьмет, Александр Леонидович! Дома десять копеек валяться будут, так он сначала спросит! А ему уже четырнадцать, точно на учет поставят! А сейчас же все проверяют везде, пиши пропало и институт, и все... А он в Омск хотел ехать, на полицейского поступать! Ох!

– Ладно, не реви давай! – Саша достал из кармана телефон. – Район-то какой?

– Да у нас, в Железке...

– Сейчас попробуем узнать... – открывая телефон, произнес он.

– Ой! Александр Леонидович! Миленький! Узнайте, пожалуйста! – она молитвенно сложила руки.

– Да тихо ты, Валя, – махнул он на нее рукой, – тихо, не голоси!

Корольков прекрасно знал, как тяжело приходится Валентине: она, рано овдовев, воспитывала мальчишку одна, беря дежурства по максимуму, потому что скудной зарплаты медсестры едва хватало на еду. Парень рос вроде бы и не очень проблемным, но был, по сути, предоставлен сам себе: мать пропадала на работе сутками и контролировать его могла только по телефону. Когда Пашка был совсем маленьким, на ночные дежурства Валентина вынуждена была брать его с собой, и он спал на кушетке в подвале, где располагался гардероб и жил сторож дед Иван. Руководство закрывало на это глаза: Валя была очень хорошей сестрой, грамотной, исполнительной и спокойной.

– Алло, Андрюха! – Саша набрал номер своего одноклассника и соседа по подъезду Андрея Кравцова. – Здорово! Ну я, а кто ж еще! Как сам? Ну и хорошо. Тесть чего? Нормально? Пусть не вздумает летом на даче своей гребаной хоть лопату земли поднять! Да, так и передай! Узнаю, что рассаду посадил, лично приеду и выкину все к херам. Ему через месяц к Абраму на консультацию, чтоб был, как штык. Андрюх, – продолжил он, – помощь твоя нужна. Да у сотрудницы моей сын в ваш райотдел попал. Говорят, на кассе в «Горожанке» повязали их со жвачкой... – он заржал. – Да не говори, преступление века! Раскрываемость, что ли, твои орлы повышают? Андрюх, реши, а? Пацан хочет в полиции служить, а тут такое... Спасибо. Жду. Фамилия? Донченко Паша. Ну, – повернулся он к потрясенно молчащей Валентине. – Все. Сейчас решим, не реви.

– Александр Леонидович! – прошептала Валя. – Как же мне вас теперь благодарить-то...

– Да никак, Валентина, душа моя. Никак. Иди работай. Как дружок мой отзвонится, я тебе сообщу.

Он прошел в свой кабинет, потом, словно что-то вспомнив, вернулся обратно на пост.

– Валя! – позвал он. – А он у тебя на какой-нибудь спорт ходит?

– Да ходил раньше на бокс, – ответила она. – А сейчас так дорого стало платить... Я и забрала его.

– Ясно. Сейчас вернусь.

Корольков вышел на крыльцо и набрал еще один номер:

– Серый! Привет. Слушай, а есть у нас какие-нибудь секции, желательно бокс, чтобы побесплатнее? Да у Вальки нашей пацана бы пристроить... Что-то начал от рук отбиваться. Подойди завтра с утра, она на сутки заступила. Поговори с ней, пожалуйста. И если есть возможность, помоги его куда-нибудь приткнуть.

Саша знал, что на старинного друга отца Сергея можно положиться как на самого себя, поэтому, уточнив у Андрюхи Кравцова, что с Пашкой все уладилось, спокойно уехал домой, провожаемый бесконечным потоком благодарностей от рыдающей Валентины.

– Ходит, ходит он на бокс! Нравится! Ездить, конечно, далековато, зато секция бесплатная. Летом, тренер сказал, поедут в спортивный лагерь, тоже все бесплатно. Хоть на месяц занят будет!

– Ну и хорошо, Валюш... Вовремя мы его... подловили, да? – улыбнулся Саша.

– Ага... Пойду я, Александр Леонидович?

– погоди. Сейчас докурю, выброси все, пожалуйста, Валечка, – жалобно попросил заведующий. – И свет мне выключи. Буду в темноте маяться.

– Сильно болит? – участливо спросила медсестра.

– Сильно, конечно! Никогда не думал, что это настолько больно!

– Ничего, утром полегче будет. Спи, вам спать сейчас нужно. Я потом зайду, окно прикрою.

– Хорошо, – благодарно улыбнулся Саша. – Спасибо, Валя.

Он часто вот так между делом, проходя, решал чужие проблемы. Если мог и если это действительно были проблемы, вот как у медсестры Валентины с ее единственным сыном. Если же речь шла о том, чтобы попросить контрамарку у недавно прооперированного директора киноконцертного комплекса, то в таких случаях Саша отказывался.

– Идите в жопу, Елена Ростиславовна, вместе со своей подругой, сами справитесь! Я по такой херне людей беспокоить не буду, – отвечал он обиженной просительнице. – Тоже мне, проблема. Купите билеты и любуйтесь на своего Иконостаса Михайлова на здоровье!

– Попросишь зимой снега, Корольков, – шипела сдобная блондинка Елена Ростиславовна – докторша из отделения неврологии.

– Не попрошу, не беспокойтесь! – хохотал он в ответ.

И правда, он крайне редко просил что-то для себя у кого бы то ни было, кроме своих друзей.

Друзей у Александра Королькова было много: самых близких, коими, как это часто бывает, стали сокурсники и коллеги, и просить ни о чем было не нужно, поскольку все они помогали друг другу без напоминаний и просьб. Однако оставались на всю жизнь родными людьми ребята, с которыми вырос в одном дворе и учился в одном классе. Гурген Сахвадзе и Костя Туманов, тот же Андрей Кравцов, Ванька Куприянов – все они были, как называл это явление сам Корольков, «хуже родственников». Он позаимствовал это выражение, как и несколько других, не менее метких, у Кати.

«Как странно, – частенько думал он, сидя с сигаретой у открытой форточки в родительской квартире. – Я так недолго был с ней, а сколько всего осталось: воспоминаний, впечатлений, эмоций...»

– Ну как ты не понимаешь? – он так и видел ее смеющиеся глаза. – Хуже родственников – это такие люди, которые тебе не родные по крови, но знают о тебе все! Даже больше, чем

ты знаешь о себе сам, и уж подавно больше, чем знают твои родители или братья... Хуже родственников – это когда молчать вместе, и то интересно. Хуже родственников – это когда по выражению твоего лица они понимают, что у тебя случилось что-то. И сразу спрашивают: чем помочь? А бывает, что, даже не спрашивая, делают для тебя что-то, и это всегда в точку...

– А у тебя кто хуже родственников? – спросил он ее тогда.

– Ну как кто? Девчонки мои, конечно! – удивленно ответила Катя. – Машка, Анька... Ира с ребятами. Димка, пожалуй, Анькин брат – он вечно нам помогает.

– А как же твоя мама? – осторожно произнес он.

– Мама... – Катя вздохнула. – Мама как раз, видимо, лучше родственников. Я, Саш, привыкла как-то сама со всем справляться. Сама и с девчонками. Мама – она... как ребенок.

Он смотрел тогда на нее и думал: «И ведь не боится ничего... Сама хрупкая, словно птичка, а сила воли, похоже, такая, что гвозди делать можно». И так ему хотелось, чтобы она была просто птичкой: щебетала бы по утрам на кухне, а он защищал бы ее от всех жизненных неурядиц и проблем.

Правда, он гораздо позже понял, что в тот момент ему хотелось именно этого, а тогда просто смотрел на нее и не мог насмотреться, тонул в зеленых глазах и милой и какой-то светлой улыбке.

Саша учился в прекрасной школе, расположенной на тихой улице Пушкина на самом краю Центрального района. Удивительным даже для того времени был коллектив учителей этой школы: директор, фронтовик и истинный педагог, смог собрать людей, которые учили детей не только своим предметам – они учили их быть, в первую очередь, людьми. Саша, как и все его школьные друзья, понимали, что все то хорошее, что есть в них с человеческой точки зрения, дала им школа.

Класс у них был очень дружный, «старший десятый «Б» – так называли их учителя, потому что был еще один десятый «Б», выпустившийся из школы годом позже, в 1988-м, столь же дружный и столь же богатый талантливыми ребятами. Все ученики обоих этих классов особенно запомнились их педагогам, которые, несмотря на то, что любили всех своих выпускников, говорили спустя годы: «После вас уже не было таких ребятшек!» Этому поколению пришлось тяжело, ведь, едва они окончили школу, началось трудное и беспокойное время, не давшее им возможности побыть подольше детьми, насладиться беззаботной юностью... Невзирая ни на какие жизненные трудности, выпавшие на их долю, практически все они получили высшее образование – за исключением нескольких девочек, выскочивших удачно замуж сразу после школы. Юристы и врачи, летчики и спортсмены, инженеры, преподаватели, полицейские и военные, журналисты, ювелир, директор банка, лучшая в городе сметчица и лучшая в городе портниха – все они окончили маленькую школу на улице Пушкина в последние годы перед перестройкой и воспоследовавшими за ней изменениями мира.

Всем им пришлось туго в девяностые, но все выучились, и ни один не спился и не стал, как говорится, дворником. Кому-то было проще – тем, кого могли себе позволить выучить родители. Таких было совсем немного, а остальным приходилось работать, учиться, бросать учебу, потому что денег не было даже на кусок хлеба, снова работать, восстанавливаться в институтах и снова учиться. Все, кто не разъехались по другим городам, общались всю жизнь, помогая друг другу: «Надо – значит надо. Это для одноклассника». Зная, что в случае необходимости помогут и тебе.

Нельзя сказать, что это было этакое лубочное братство, кто-то общался ближе, кто-то просто, встретившись на улице, обрадованно обнимался. Но все они знали, что есть, к примеру, Жанка Воронцова, портниха, к которой очередь на три месяца вперед, так вот, она сошьет платье на корпоратив без всякой там очереди. Потому что в одном классе учились.

«А в «младшем десятом «Б» Катя училась, – уныло подумал Саша, с трудом поворачиваясь и морщась от боли в разрезанном животе, и стало ему совсем невыносимо. – Увидеть бы ее хоть разок, хоть издалека... Какая она стала?»

Почему-то он был уверен в том, что Катя с возрастом не расплылась, как многие девчонки, не постарела. «Идиот, – оборвал он себя. – Ну как не постарела, если ей уже тоже сорок четыре».

И вдруг понял, что ему абсолютно все равно, какая она сейчас. Он любил бы ее любую. Он, тренированный красавец, сильный и харизматичный мужик, в объятия которого падали самые роскошные женщины, ухоженные, с идеальными телами и лицами, Катю он любил бы любую. «Закрыв бы ее дома и не отпускал никуда, пусть бы ждала меня с утра до вечера, как в далеком девяносто третьем, а, дождавшись, стояла у двери и нетерпеливо переступала бы своими тонкими, как у козочки, ножками, – продолжал страдать Корольков. – Ну ладно, – разрешил он себе. – Мне так хреново сегодня, пусть будет „как будто“... Как в детстве». И потянулся за еще одной сигаретой.

Крайний раз он видел Катю девять лет назад. Саша терпеть не мог это армейское выражение «крайний раз», но, когда вспоминал о той встрече с Катей, суеверно не позволял себе даже мысленно произнести «последний раз», потому что по-настоящему боялся, что эта пусть мимолетная, но все-таки встреча станет действительно последней.

И если была у доктора Королькова мечта, то только одна, сокровенная и единственная: увидеть Катю хотя бы еще один раз.

Сентябрь 2006 года

Юбилей школы решили отметить день в день – 3 сентября. Ему позвонили, конечно, заранее, еще в июле, и он с замиранием сердца тянул с решением до последнего. Идти или нет? Со своими одноклассниками он общался и так, без всяких там юбилеев. Учителей вот только повидать? Ведь до сих пор работают и Лукич, и химоза, и трудовик с ботаником... Но они с парнями частенько бывали в школе – уж пару раз в году точно, с Днем учителя поздравить, с Новым годом...

Он прекрасно понимал, что с большой долей вероятности Катя будет на этом мероприятии. Общих знакомых у них было много, но никто не знал об их романе. Никто, потому что, если бы знал хотя бы кто-то один, эта сенсационная сплетня еще двадцать лет назад облетела бы весь жилмассив и до сих пор обрастала бы все новыми пикантными подробностями. Саша понял это еще в девяносто третьем, когда, выйдя из коматоза после расставания с Катей, осторожно стал прощупывать почву. Никто из девчонок, а это было самым важным, ничего не знал. Никто не задавал ему ни наводящих, ни прямых вопросов, ни на что не намекал... Значит, рассуждал он, она тоже никому не сказала. Ну и пусть, решил он тогда, это останется нашей с ней тайной. Так ему было даже немного легче: создавалась иллюзия, что их с Катей что-то связывает, ну пусть хоть эта общая тайна.

Значит, тогда, летом девяносто третьего, им не казалось, что они одни на необитаемом острове, острове их любви в огромном океане безвременья, бессезонья, безнадежности, безденежья и безлюдья.

Он все-таки пошел. День был чудесный, солнечный, и никакой осенью еще и не пахло: тридцатиградусная жара стояла уже несколько недель подряд, и прогретым было все – земля, деревья, трава, асфальт. Городские пляжи были переполнены, и народ, словно позабыв о том, что Ильин день давным-давно прошел, купался в Оби, на море и даже в фонтанах в центре города – до того было жарко. Саше, родившемуся в январе, по всем народным приметам полагалось любить зиму, мороз, метель, лыжи и коньки, однако он из всех времен года предпочи-

тал лето. Солнца он не боялся, загорал моментально, никогда не сгорая, отчего его зубы становились еще белее, а кожа приобретала удивительно красивый оттенок. Чтобы загореть, ему не нужно было часами париться на пляже, достаточно было пару дней походить в льняных брюках и рубашке, и все – тело становилось смуглым, как будто он неделю валялся у моря.

Он решил, что пойдет на школьный юбилей, в самый последний момент, уже во второй половине дня, когда собирался домой. «Да и пойду! Чего такого-то? Ну и будет там Катя, подумаешь, подойду и поговорю с ней, – храбро думал он. – Делов-то. Уже прошло столько лет, что она, поди, и думать обо мне забыла!»

Последняя мысль, правда, вызвала у него большие сомнения, как-то не верилось, что Катя могла его забыть. Не те это были отношения, которые забываются.

Критически осмотрев себя в зеркале, висящем в коридоре отделения, Саша пошел в ординаторскую и переделал майку. Штаны на нем были классные, итальянские, льняные, и сидели они так, что женщины на улице оборачивались и с тоской смотрели на его задницу. Мокасины, надетые, как и положено, на босу ногу, тоже имели вполне буржуйское происхождение, а вот майка не дотягивала до этого блистательного уровня. Благо в шкафу он всегда держал запасную: лето было жаркое. Запасная не подкачала – поло со скромным крокодилчиком на груди как нельзя лучше вписалось в ансамбль. Саша улыбнулся, вспомнив «мини-бикини-69», зацепил между пуговками поло темные очки. Взял телефон, ключи от машины и уже хотел было выйти из ординаторской, как вспомнил про очки обычные и подумал: «А вдруг она все-таки придет? Я же без очков ее не смогу разглядеть...» Сложив очки – две дужки и перемычка из золотистого металла – в футляр, он, наконец, пошел к машине.

В холле на первом этаже школы собралось уже довольно много народа. Девчонки-старшеклассницы, сидя за длинным столом в дальнем конце холла, регистрировали вновь прибывших, а мальчики, стоящие у дверей, направляли входящих к ним. Лавируя между группами возбужденно общающихся людей самых разных возрастов, Саша подошел к столу. Девчушка с любопытством уставилась на него:

– Здравствуйте! Какой у вас год выпуска?

– Восемьдесят седьмой, – ответил Корольков и, встретившись взглядом с девочкой, засмеялся, потому что той было лет семнадцать, не больше.

«Каким же, наверно, старым я ей кажусь», – подумал он, однако увидел своих и благополучно забыл о подступающей дряхлости.

Девчонки дружно завизжали, увидев его, а Анжелка Царёва так скаканула к нему в объятья, что он с трудом ее удержал – девушкой она была, что называется, «в теле». Ленка Сидоркина, прилетевшая на юбилей из Москвы, где вела беззаботную жизнь красивой жены при богатом муже, явно вознамерилась Сашу соблазнить. Она прочно оккупировала его слева, взяв под руку и положив очаровательную блондинистую головку на его плечо. Всего на Ленке было некоторым образом с перебором: бриллиантов, косметики, страз, духов, геля в губах, отчего она напоминала маленькую нарядную новогоднюю елочку. Саша судорожно стал сообщать, в какой это связи Ленка вдруг решила взять его на абордаж, и вспомнил, что после восьмого класса в трудовом лагере, когда, выпив человек на десять привезенную всеми правдами и неправдами «Посольскую», они играли в «бутылочку». Да, он тогда с ней целовался, точно! Еще и обжимался потом до утра, от чего на работу в поле вышел в таком состоянии, будто его всю ночь били, причем ногами. «Так это когда было-то! – подумал он. – Сто тыщ лет назад! Нам тогда по пятнадцать было, придуркам!»

Темные очки он оставил в машине, а очки с диоптриями болтались на груди, зацепленные за петельку поло. «Не вижу ничего, – вспомнил Корольков, – а вдруг Катя...» Он осторожно освободился от Ленки, от чего та возмущенно замыркала, и надел их.

– О, Саша! – тут же отреагировала Сидоркина. – Ты носишь очки-и-и?

– Если тебе не нравится, Ленок, я могу снять, – галантно ответил он и увидел Катю.

Она явно только что вошла, потому что девчонки из ее класса, яркой стайкой тусующиеся недалеко от Королькова, не успели ее увидеть. Да и сама она, стоя среди всей этой разномастной толпы, крутила головой по сторонам, высматривая, конечно же, своих.

Увидев ее, Саша изменился в лице: улыбка сползла с его губ, а глаза вмиг сделались несчастными. Зоркая, как коршун, Ленка заметила случившиеся с Корольковым метаморфозы и проследила за его взглядом. «Чего-чего? – подумала она. – Эта, что ли?! Катька Мороз?! Да не может быть! Хотя... Они же жили в одном дворе! Все возможно, конечно, только вот когда?»

Нахмурившись, Ленка попыталась отвлечь Сашу, что-то зашебетала, однако не тут-то было: тот словно не слышал ее. «Погоди, Ленок», – единственная фраза, которую он смог произнести.

Он смотрел на Катю, и вокруг него словно смолкли все звуки: он не слышал многоголосья шумной толпы. Что-то случилось и со зрением – он читал про такое: когда снайпер несколько дней лежит в засаде, он перестает видеть что-либо, кроме своей цели. Зрение обостряется, и, не видя ничего вокруг, цель свою он визуализирует во всех подробностях даже на огромном расстоянии.

Он видел ее всю сразу, свою Катю. Свою до такой степени, что стало больно в груди и сбилось дыхание. Он видел каждую прядку ее волос, ее пальчики, такие же тонкие и длинные, с красивыми продолговатыми ногтями. Руки выше локтя, утратив девичью хрупкость, стали чуточку круглее, а бюст – еще шикарнее: в вырезе простого льняного платья виднелась глубокая ложбинка. Длинных волос не стало, и Саша расстроился – он так любил перебирать ее локоны, то заправляя их ей за уши, то закручивая вокруг ее носа, от чего Катя всегда начинала фыркать и, отбросив его руки, заворачивала волосы в какой-то необычный высокий узел на самой макушке. Заколоть его она могла и первым попавшимся карандашом, и какой-то длинной штукой, похожей на гребешок.

«Создатель, о чем я думаю!» – с ужасом пытался он остановить себя, но ничего не получалось. Он продолжал смотреть на нее, узнавая ее новую и вспоминая ту, которую знал, и образ которой хранил в памяти все эти годы.

Стрижка чуть ниже шеи – прядки небрежно разметались вокруг лица. Ей шла эта стрижка, делала ее лицо совсем юным и слегка удивленным. Макияжа не было, и от этого она казалась моложе своих ровесниц. Все те же ведьминские зеленые глаза, все те же темные густые ресницы. Саша жадно смотрел и смотрел на Катю и видел ее всю: ступни все такие же узкие и длинные, лодыжки тонкие, ножки стройные... «Козочка моя, – с нежностью подумал он. – Козочка...» Каким-то невероятным образом он видел ее кожу, каждую родинку на шее, видел и то, что скрывало легкое платье: на ней было бирюзовое белье. Он буквально чувствовал, словно смог потрогать ладонями, как кружево облегает тяжелую грудь и упругую попу. А на правой лодыжке, прямо над косточкой с наружной стороны красовалась скромная по размеру, но вполне заметная черная татуировка – очень красиво выбитая роза. Саша сразу понял, почему она сделана именно на этом месте: там у Кати была небольшая сосудистая звездочка. Она страшно стеснялась этих нескольких красных прожилок: сидя, постоянно подворачивала под себя ногу, а ходила чаще всего в джинсах. Когда Саша допытал-таки, в чем там было дело, долго хохотал и называл ее дурындой, силой вытаскивая ее ногу из-под попы, и не успокоился, пока не обцеловал всю лодыжку, наставив ей таких синяков, что трех несчастных сосудиков стало совсем не видно.

– Катька, – закатывался он от смеха. – Ну ты балда! Кому нужны твои телеангиоэкстазии? Мужики вообще на это не смотрят!

– Теле... чего? – переспрашивала Катя.

– Дунька ты, вот чего! Мужики вот на что смотрят! – и хватал ее за грудь, за попу, за стройную тонкую ножку...

«Все-таки закрыла она ее, – вздохнул Саша. – Вот ведь дуреха!»

На ней не было никаких украшений, кроме огромного камня в тонкой золотой оправе на среднем пальце правой руки. Золото было зеленоватым, нерусским, а камень – странным, дымчато-коричневым.

«Необычное кольцо, – подумал он, и адреналин ударил ему в голову, в руки, в грудь. – Она самая красивая женщина здесь! Вокруг нее словно свет какой-то... Она самая красивая женщина в мире...»

Тут она его увидела, и он успел заметить, что глаза ее стали испуганными и потерянными. Их взгляды встретились и – какая там искра! Молния, разряд тока высокого напряжения, вихрь, ядерный взрыв, цунами, смерч... Сколько времени их глаза были вместе, сказать сложно: им обоим показалось, что столетье, а на самом деле пару секунд. Время остановилось, и киношная пуля, медленно крутясь вокруг своей оси, полетела в цель. Они одновременно отвели глаза, и, как в детской игре «отомри» все вокруг зашевелилось, и стали слышны звуки.

Его сердце глухо и быстро колотилось о ребра. «Я болен, – отстраненно думал он. – Я просто болен ею. Это рецидив. Что мне теперь делать с этими мыслями, с этими воспоминаниями, если я, стоя в нескольких метрах, почувствовал, как пахнет ее кожа и услышал, как бьется ее сердце? Что мне теперь делать?»

Почему-то вся его решимость пропала, и о том, что собирался подойти к Кате и даже поговорить с ней, он забыл. А может, не забыл, а попросту боялся?

«Пожалуй, это именно так: я боюсь, – думал он. – Так я живу все эти годы с иллюзией, что где-то есть моя Катя. Пусть не со мной, пусть в параллельной реальности, но моя. А заговори я с ней – и вдруг узнаю, что моя Катя давно замужем... Или у нее родились какие-то дети от какого-то чужого мужика...»

В том, что она никогда не простит его, Корольков был абсолютно уверен. Но он вдруг понял, что, если она еще и скажет ему об этом, то такого он точно вынести уже не сможет.

«Нет у меня такой силы духа, чтобы вынести это, – в ужасе думал Саша. – Я тогда попросту умру, все кончится, и я больше никогда ее не увижу...»

Самым страшным кошмаром доктора Королькова был сон, который повторялся, не меняясь, из раза в раз, годами: он умирает, и страшно не это. Страшно, до умопомрачения, до судорог, что вот сейчас он уйдет в какие-то неведомые дали и никогда больше не увидит Катю.

Когда он видел этот сон, то всегда со стоном просыпался, а потом уже не мог уснуть до утра и курил, курил одну сигарету за другой, пока не начинало першить в горле.

Хирург Корольков умел принимать мгновенные решения. Даже не пытаясь допустить мысль о том, чтобы подойти – вот же она, совсем рядом! – и заговорить с ней, он принял единственно возможное для себя решение: бежать. Бежать от нее хоть на край света, лишь бы она не сказала, что никогда не простит его. Уж что-что, а решения принимать он умел...

Тут Александр Леонидович Корольков – brutальный красавец и мечта всех женщин, без пяти минут кандидат медицинских наук и лучший ученик знаменитого профессора Мусина, один из перспективнейших хирургов города, а также гордость и краса больницы номер четыре – выхватил из кармана удивленно молчащий телефон. Открыв его, он, обращаясь к неведомому ему самому собеседнику по имени почему-то Андрей Брониславович, прогнал такую ересь, что долгие годы потом испытывал невообразимый стыд и страх, что рядом мог находиться кто-то с медицинским образованием. Из его монолога выходило, что пациента следует заинтубировать, потом прооперировать по поводу разрыва селезенки, затем дать ему спинальное обезболивание и лишь потом перевести из палаты интенсивной терапии в общую, предварительно выведя колостому.

– Хорошо, Андрей Брониславович, – произнес он напоследок в трубку. – Сейчас приеду.

– Ну Са-а-а-аша... – заныла Сидоркина. – Ты что, уезжа-а-а-аешь?

– Ленок, прости! Вызывают к «тяжелому» пациенту. Хорошо, что выпить не успел! – ответил Корольков, стараясь не смотреть ни на Ленку, ни по сторонам.

– Корольков! – возмутился кто-то из девочек. – Мы так не договаривались!
– Я вернусь! – убежденно заверил он. – Попозже приеду!

И, все так же, не глядя по сторонам, вышел из холла на крыльцо, достал из кармана сигареты и, закуривая на ходу, пошел к машине своей уверенной развинченной походкой уличного пацана.

Он не увидел в сгустившихся сумерках, что в самом дальнем углу школьного крыльца прячется стройная женская фигурка. Если бы он почувствовал ее взгляд спинным мозгом, как тогда, в далеком девяносто третьем году, он обернулся бы и увидел, с какой тоской, закусив губу, Катя смотрит ему вслед, и как огонек сигареты в ее руке освещает огромный камень на среднем пальчике. Если бы он обернулся, возможно, все было бы иначе.

Андрей Брониславович долгие годы потом будоражил его мозг. Особенно он мучил Сашу в часы, которые его подруга Света Гулькина метко называла «похмельными зорями». Если вдруг он перебирал с вечера, то просыпался рано утром и, как правило, уснуть более уже не мог: хотелось сначала пить, потом в туалет, потом снова пить... И в такое время его одолевали разные, обычно не слишком радостные мысли. С того достопамятного школьного вечера ему стал являться зеленым мутным видением неведомый Андрей Брониславович. Чем-то он неуловимо напоминал Саше виденные в детстве в журнале «Крокодил», сложенном стопками у деда на чердаке, карикатуры то ли на шпионов, то ли на спекулянтов.

«Кто это? – мучительно думал Корольков. – Кто? У меня нет знакомых с таким именем-отчеством...»

Он долго перебирал в памяти школьных друзей и их ближайших и далеких родственников. Потом принимался за институтских знакомых, преподавателей, армейских сослуживцев и их родителей. Потом подходила очередь коллег и даже мужей его любовниц... Нет. Никого с такими данными он вспомнить не мог.

«Может, пациент?» – догадался как-то Саша и даже не поленился, перебрал истории болезней за несколько лет, для чего пришлось подкупать бабку из больничного архива – суровую и непреклонную Изольду Яковлевну.

– Тебе зачем это еще? – подозрительно спрашивала та. Подпольная кличка архивариуса была Иза Льда – настолько она была гадючной – как Снежная Королева.

– Ну на-а-а-адо, Изольда Якльна... – ныл Саша и совал ей пакет с продуктовым набором, презентованный благодарными родственниками какого-то бедолаги, коего накануне доктор Корольков своим искусством вырвал из лап смерти.

– Смотри мне, Корольков! – приняв пакет, строжились Иза Льда, помнившая Сашу еще медбратом. – Хоть одна бумажка пропадет, я тебе лично бубенчики отрежу!

Содрогнувшись, Саша клятвенно пообещал, ощущая при этом неприятный холодок в области упомянутых органов, что бумажек красть не станет, а только посмотрит.

Но и в архиве его ждало разочарование: ни одного Андрея Брониславовича, как и Бронислава Андреевича, как, впрочем, даже Сергея Брониславовича, он там не обнаружил.

Так и остался на долгие годы этот неведомый персонаж мучительным спутником Сашиних невеселых предрассветных мыслей.

Он сел в машину и, ловко вывернув из «кармана» возле школьной ограды, уехал. Как долго он колесил по городу, Корольков не мог сориентироваться даже приблизительно. Как оказался на Кольванской трассе, тоже оставалось для него загадкой.

В голове его билась единственная мысль: «Я успел! Я успел. Она не сказала мне, что ненавидит меня. Она не сказала мне, что не простила. Я смогу жить дальше. Вот только немного успокоюсь, и смогу. Сейчас. Сейчас. Вот еще покурю, поезжу немного и смогу жить».

Очнулся он у въезда в населенный пункт под названием Скала с почти севшим телефоном, валяющимся на пассажирском сиденье, и мигающим индикатором бензина. На часах было

одиннадцать. Это немного отрезвило его. «Завтра же на работу», – вспомнил он и отправил смс лучшему другу Лёхе: «Я на Кольванской трассе у Скалы бензин кончился телефон сел приезжай». Положив голову на скрещенные на руле руки, стал ждать.

Через час его стоящую на обочине «бэух» красного цвета осветили фары. Немного позади остановилась машина, и из нее, чуть кряхтя, вывалился полусонный Алексей. Рывком открыв водительскую дверь, он увидел своего друга Сашу и выволок его наружу:

– Саня, ты чокнулся? Что за выходки?! Меня Танька чуть не убила! Пускать не хотела, вы, говорит, со своим Корольковым по бабам пойдете!

– Лёха, прости...

– Саня, че за фигня?! Опять от разъяренного мужа убегал, поди?

– Да какие мужья, кому я нужен... – оправдывался Корольков.

– Ты пьяный, что ли?! – снова заорал Лёша.

– Трезвый...

– А чего ты сюда приперся-то, если трезвый?! Совсем уже?

– Лёх, прости... С меня поляна...

– Ну ты в натуре debil! – резюмировал доктор Румянцев. – Открывай крышку, сейчас залью тебя, и поедем!

– Лёх?

– Чего тебе, убогий?

– Можно я у вас переночую, а? – просительно заглянул ему в лицо Саша.

– Можно, конечно! – удивленно ответил тот. – Только на кухне, дети от бабки вернулись, школа же, мать ее...

– Да хоть на коврик у двери, Лёх... Не могу я сейчас один, совсем не могу.

– Не расскажешь? – с пониманием спросил друг.

– Пока нет, Лёша. Может, потом, когда-нибудь...

– Ты завтра дежуришь, Сань, ты не забыл? – попытался вернуть друга к действительности Алексей.

– Помню, помню, – ответил тот. – Все нормально будет.

Они залили в бак бензин из канистры, привезенной Румянцевым, и, друг за другом развернувшись на ночной трассе, поехали в город.

– Господи, Саша! – вполголоса воскликнула Татьяна, сразу открыв им входную дверь: видно, не спала, торчала на балконе, ждала, когда приедет муж. – Что с тобой? Мешки какие под глазами! Бледный весь! Что случилось? Пил, что ли?

– Да не пил я, не пил! – обнимая Таню, на манер дяди Мити из любимого фильма, ответил Саша. – Сухой, как лист!

Таня с Лёшей молча переглянулись. Каждый из них словно хотел сказать: «Ну раз шутит, не все так плохо».

– А ну быстро оба спать! – все так же шепотом прикрикнула Таня. – А бензином-то от вас воняет! Фу-у-у-у! Саша, иди в душ, – продолжала распорядиться она. – Я тебе постелю пока. Зубная щетка твоя знаешь, где. Да не шумите вы! Пацанов разбудите!

– Та-а-а-ань? – позвал ее муж.

– М-м-м?

– Дай пожрать чего-нибудь...

– Поздно уже, Лёш... – просительно протянула она.

– Ну хоть бутер, Тань... И чаю...

– Саша, а ты? Тоже, поди, голодный? – повернулась она к Королькову.

– Я не знаю, Тань, – задумчиво ответил тот. – Голодный я или нет...

– Лёша, да что с ним?

– Не знаю, – так же встревоженно ответил Алексей. – Не говорит.

– Так, – она села за стол на кухне. – Лёша, погоди. Саша, сядь.

Корольков послушно приткнулся на табуретку напротив.

– Дай пульс, – Татьяна была прежде всего кардиологом. Она помолчала, сжав пальцами его кисть. – Да нет... Все нормально.

– Да все нормально у меня, Танюш! – начал было Саша. – Не выдумывай...

– Заткнись, а? – беззлобно попросила она. – Лёша, принеси тонометр. В зале в верхнем ящике. Тихо только, не топай ты, как слон!

– Таня! – снова возмутился Саша. – У меня нормальное давление! Успокойся!

Она молча закатала короткий рукав его поло выше и обернула манжетой смуглое плечо:

– Тихо посиди, пожалуйста, – попросила она и вдела в уши фонендоскоп.

Измерив давление, доктор Румянцева задумалась.

– Чего там? – хором заволновались мужики.

– Удивительно, – задумчиво произнесла она. – Как у Гагарина перед стартом, – и добавила, будто бы они не знали, кто такой Гагарин. – У Юрия Алексеевича... Сто двадцать на восемьдесят.

– Ну, я же говорил! – облегченно выдохнул Саша.

– А ты точно не пил сегодня?

– Да точно, Тань! Ни грамма!

– Тогда феназепамчику тебе. На вот, – она достала откуда-то из-за банок со специями стандарт малюсеньких белых таблеточек, извлекла одну и протянула ее Королькову. – Пей.

– Да нафига он мне, феназепам твой! – возмутился тот.

– Пей, сказала! Черный вон весь, лица на тебе нет. Выспишься хоть, как человек. Утром на дежурство, а он фортеля такие!

А наутро Корольков проснулся со спасительной, как ему показалось в тот момент, мыслью: я должен жениться и забыть Катю. Что повлияло подобным образом на его явно больное в то утро сознание, не мог бы, наверное, сказать даже сам профессор Громов – знаменитый психиатр и друг Семёна Марковича. Однако он, словно одержимый, схватился за эту мысль, как за пресловутую соломинку... Он и вправду тонул тогда, и спасти его могло только чудо: например, Катя взяла и этим осенним утром появилась бы в квартире его друзей Румянцевых, усе-лась на табуретку в тесной кухоньке и сказала: «Я люблю тебя, Корольков». Но это не представлялось возможным даже в его воспаленном воображении, поэтому буквально через неделю, проводя практические занятия со студентами шестого курса лечфака, он увидел Арину.

Саша не знал, что встреча на школьном вечере – это тот самый его первый шанс быть с Катей, однако, даже стоя во Дворце бракосочетания под руку с красавицей Ариной, чувствовал, что в компьютере его жизни снова произошел какой-то сбой, поломка матрицы, ошибка в программе. Сделать с этим он ничего не мог, и жизнь его покатила по ровным и, казалось бы, правильным рельсам. Однако ясно было одно: рельсы эти увозят Королькова далеко-далеко от душистого стога сена, в котором провел он самую лунную и самую соловьиную ночь в своей жизни с единственной, нежной, прекрасной юной женщиной по имени Катя.

Март 2015 года

Кое-как убаюкав разрывающийся от боли живот и несколько раз облизнув пересохшие губы, доктор Корольков немного задремал. В маленькую палату, так похожую на уютную спальню, вошла медсестра Валентина. Увидев искаженное страданием лицо заведующего, она вдруг подумала: «А ведь ему не только живот больно... Что-то в душе его происходит, видно же... Хороший мужик, а, похоже, не очень-то счастливый». Валя вздохнула, закрыла

окно и, наклонившись над кроватью, несколько раз промокнула влажной ваткой губы Королькова. Он застонал и тихонько прошептал:

– Спасибо, Валечка... Можно еще?

– Конечно, Александр Леонидович, – она снова коснулась ватным шариком его губ. – Спите, сейчас полегче будет. Спите.

Выключив ночник, Валя вышла из палаты и прикрыла дверь.

«Водки этому врачу!»

Март 2015 года

– Витя, откуда такая пробка?! Сегодня же воскресенье вроде? – спросил губернатор у водителя.

– Так это, Сергей Владимирович, – доверительно начал тот, – несчастье же в городе...

– Что такое? – вмиг проснулся губернатор, дремавший на заднем сиденье своего представительского бронированного мерседеса после долгого перелета сначала из Пунта-Каны в Москву, а затем из Москвы в Новосибирск. – Я чего-то не знаю?

– Мост же пешеходный через Красный проспект обвалился утром... Народу попередило...

– Да ты что?! Когда?! Как?!

– Да, утром, в десять часов обвалился мост, рухнул прямо на проезжую часть. Там и пожар, потому что машины стояли под мостом, и так людей подавило, и с высоты попадали...

– Витя, так чего же ты молчишь? Я же не в курсе! Телефон выключил, а в Москве стыковка маленькая была, я и не включал его, не успел. Ставь давай цветомузыку и погнали быстрее! И телек погромче сделай!

Водитель жалостливо посмотрел на губернатора:

– Сергей Владимирович, бесполезно цветомузыку-то сейчас. Вот гайцы к нам пробьются, тогда и включим. А пока придется посидеть, смотрите, там пробка – конца-краю не видать, – он сделал погромче телевизор на панели автомобиля.

«На настоящий момент имеются сведения о восьми погибших при обрушении пешеходного моста через Красный проспект. Как сообщили «Каналу «Двадцать пять» в Главном управлении УВД Новосибирска, их личности устанавливаются. Количество раненых и пострадавших в катастрофе, по сведениям министерства здравоохранения Новосибирской области, на этот час составило более шестидесяти человек. Все они доставлены в отделение неотложной хирургии и отделение травматологии клинической больницы номер четыре. На месте обрушения пешеходного моста ведутся спасательные работы, разбор завалов и поиск пострадавших. Работают десять пожарных расчетов, пятнадцать единиц техники, более сорока спасателей, а также две бригады психологов. Красный проспект перекрыт, по нему сотрудники ГИБДД пропускают только кареты скорой помощи. Из-за этого во всем городе скопились гигантские пробки. Списки пострадавших будут опубликованы на сайте министерства здравоохранения Новосибирской области позже, поскольку на настоящий момент они еще уточняются, – взволнованно говорила в камеру молоденькая журналистка. – Наши коллеги работают сейчас в четвертой городской клинической больнице, куда доставляются раненые и пострадавшие в этой страшной катастрофе. И через несколько минут нам установят прямое включение... Возможно, станут известны списки пострадавших или какие-то подробности этого происшествия».

– Не переключайтесь, – показалась в кадре ведущая, – оставайтесь с нами.

– Да что ж такое!! – взревел губернатор. – Витя, телефон мне, быстро!

Водитель протянул ему трубку.

– Геннадий Валентинович! – губернатор звонил мэру. – Ты чего мне не проявляешься-то? Ты вообще где? В Праге?! Ох, доведешь ты меня до цугундера, Геннадий Валентинович! Первым же рейсом чтоб был в городе! – он в сердцах швырнул телефон на сиденье. – Что ж такое, а? Кот из дома – мыши в пляс! Говорил же ему, пока меня нет, сиди в городе! Нет, он обратно в Чехию, намазано ему там, что ли! Поди, с этой своей нотариусихой опять! Она у него все на Чехии помешана.

Витя деликатно молчал.

– Ты че молчишь? – накинулся губернатор на ни в чем не повинного водителя.

– А чего мне делать-то, Сергей Владимыч? Я думал, вы в курсе!

– Думал он... Петух тоже думал... Что ж делать-то, а? Сейчас я этому... чудачу на букву «М» позвоню!

Не так давно, всего несколько месяцев назад переведенный из далекого среднероссийского региона губернатор еще, собственно, официально таковым не являлся – на первое время был назначен исполняющим обязанности. Но, судя по тому, как этот еще достаточно молодой – ему едва сравнялось сорок пять – и весьма энергичный человек мигом заменил всю прежнюю команду, имелись веские основания полагать, что избран на этот высокий пост будет именно он. Из всех министров, работавших с предыдущим губернатором, остался только министр здравоохранения Адов – амбициозный и плохо образованный москвич, посаженный на это место кем-то из высших сфер, дабы переждать некоторое время до того, как его заберут в столицу. Его велено было не то чтобы не трогать, но, так сказать, потерпеть. Однако исполняющий обязанности губернатора Пономаренко, за чьей спиной стояли силы куда более могущественные, чем за жирненькой спинкой министра, особо терпеть был не намерен. Он только и ждал случая, чтобы избавиться от этого бездельника. Состояние системы здравоохранения в области явно оставляло желать лучшего, а этот, с позволения сказать, руководитель высшего звена в основном был занят тем, что смотрел на огромной «плазме» у себя в кабинете какие-то сомнительные фильмы и играл в «танчики» на компьютере. Помимо этого, его фотографии не сходили со страниц всякого рода местных изданий типа «Дорого-богато» и «Любовница». Как правило, его фотографические портреты в разных ракурсах (губернатор метко называл это «Я и Белочка, я и Стрелочка») размещались в рубриках «Самые богатые холостяки нашего города» или «Десять умных и красивых мужчин месяца». Особенно Пономаренко умиляло последнее определение – красивых. «Этот слизняк и на мужика-то не похож, – возмущался про себя Сергей Владимирович, – он даже в армии не служил!» Сам губернатор принадлежал к поколению, которое окончило десятилетку еще в советское время, и имел свои, вполне определенные представления о том, каким должен быть настоящий мужчина. Пономаренко отслужил в десанте, прошел Ферганскую учебку и только чудом не попал в последний афганский призыв: внезапно скончался его отец, и мать, зная, что Серёжу должны были отправить «за речку», на коленях приползла к командиру, вымолила оставить единственного сына и кормильца в стране.

Одним словом, Пономаренко только и ждал удобного момента, чтобы отправить в отставку этого никчемного, явно занимающего не свое место чинушу. У губернатора и кандидатура на это место уже имелась, ну да ладно, думал он, всему свое время. Бу-у-удет случай подходящий, будет...

Он набрал номер сотового телефона министра Адова:

– Э-э-э... – губернатор почему-то всегда забывал, как его зовут, вот бывает же такое, вроде и имя обычное, как бишь его... Евгений Станиславович, тьфу ты, пропасть, никак ведь не запомню, хорошо, в телефоне записано... – Адов! Ты на месте? Нет, еще не прилетел, – соврал он. – Завтра буду. Что там у вас? Откуда-откуда! Думаешь, тут Интернета нету? Докладывай.

Недоверчиво покивав несколько минут, Пономаренко задумчиво произнес:

– Ну-ну, Адов, давай, действуй дальше... Поглядим... – и отключился.

– Витя, – обратился он к скупающему водителю, – включи обратно телек, чего там говорят? И позвони в ГИБДД, где они есть—то? Ехать надо... Или ладно, я сам Альтенгофу сейчас. Чтоб не трепались, что я тут уже. Ты-то, поди, на весь гараж раззвонил, что я прилетел?

– Что вы, Сергей Владимыч, – обиженно сквасил физиономию Витя, – я ни одной живой душе, как велели!

– Ладно, ладно, не обижайся, шучу я, – он снова включил сотовый. – Эдуард Фридрихович! – имя-отчество начальника ГИБДД области, столь непривычное для русского уха, он почему-то запомнил с первого раза. Наверное, потому, думал губернатор, что мужик нормальный. – Где твои бойцы? Мы с Виктором на Станционной уже. Возле АЗС. Все, ждем!

На небольшом экране снова закрутились кольца заставки внеочередного выпуска местных новостей, и молодой ведущий, с трудом скрывая волнение, проговорил:

– В эфире экстренный выпуск новостей на «Канале «Двадцать пять», с вами Андрей Захарченко. В настоящий момент установлено прямое включение с Городской клинической больницы номер четыре, где работают наши коллеги, и куда вот уже на протяжении пяти часов, пока идут спасательные работы на месте обрушения пешеходного моста в центре Новосибирска, привозят пострадавших. Как стало известно, раненых принимают два отделения этой клиники: отделение травматологии и отделение неотложной хирургии. По последним данным, в больницу поступили двадцать восемь человек. На территории больницы работает наша съемочная группа и корреспондент Фёдор Козлов. Фёдор?

– Да-да, коллеги! – показался корреспондент Козлов с микрофоном наперевес. – Андрей?

– Да, уважаемые телезрители, как только что стало известно в редакции «Двадцать пятого» канала, двадцать восемь человек поступили только в одно отделение этой клиники – в отделение неотложной хирургии, а сколько человек привезли в отделение травматологии, наши коллеги сейчас уточняют в пресс-службе министерства здравоохранения. Фёдор?

– Да, Андрей, возможно, в ближайшее время данные о количестве пострадавших изменятся. Мы с минуты на минуту ожидаем комментария руководства городской клинической больницы номер четыре и сведений о состоянии пострадавших в этой страшной катастрофе. Андрей?

– Да. Вот сейчас... сейчас нам сообщили в пресс-службе минздрава, что все-таки в общей сложности поступили в больницу номер четыре двадцать восемь человек, данные различились потому, что у многих пострадавших травмы, требующие вмешательства и травматологов, и хирургов. Однако коллеги, работающие на месте обрушения моста, сообщают нам по телефону, что кареты скорой помощи продолжают отъезжать от места трагедии и следуют по Красному проспекту в четвертую клиническую больницу. Фёдор?

Напряженно вглядывающийся в экран губернатор не выдержал:

– Чего они сопли жуют?! Не могут по-нормальному сказать, что ли?

Водитель заступился за журналистов:

– Ну откуда они знают, Сергей Владимирович? Им что скажут, то они и поют. Сейчас, поди, главврач чего-нибудь скажет, они-то в курсе, сколько народу привезли.

– Да сколько – это ладно, Витя, – поделился с водителем губернатор, – вопрос не в том. Какие операции надо, мало ли что там? Может, надо чего, кровь там, медикаменты, инструментарий... А этот... сидит там, похоже, киношку смотрит! Говорит, у меня два зама выехали на место ЧП. А что толку-то, что они выехали, чего им там, на мосту на этом делать? Отсвечивать только... Ну где уже эти бойцы альтенгофовские? Ехать, ехать надо!

– О, смотрите, Сергей Владимирович! – воскликнул Витя. – Вышел кто-то.

И правда, в кадре – прямое включение есть прямое – показался сначала корреспондент Козлов, напряженно глядящий в камеру, потом – микрофоны других телекомпаний, тянущиеся куда-то вдаль, затем оператор все-таки смог взять кадр, и стало видно, как на крыльцо главного корпуса четвертой больницы, где, как известно коренным новосибирцам, расположены оба отделения, вышел, тяжело опираясь то ли на трость, то ли на короткий костыль мужик примерно одного с губернатором возраста, в перепачканной кровью синей хирургической робе и накинутой на плечи спортивной куртке. Оператор «Канала «Двадцать пять» не ступешался, взял лицо доктора крупным планом, и губернатор увидел абсолютно черные глаза, спокойно глядящие в объектив камеры. Лицо врача показалось Пономаренко смутно знакомым, он никак

не мог вспомнить, на кого похож этот мужик – уверенный в себе, невозмутимый и явно смертельно уставший. Лысый, но с черной щетиной на щеках и подбородке, с удивительного цвета глазами – зрачков не видно, такие черные. То ли на какого-то известного артиста... То ли на спортсмена или тренера знаменитого... То ли на другого артиста, с такими же черными, как уголь, глазами? Нет, тот не лысый... Одно было ясно: этот человек совершенно не боится ни камер, ни микрофонов и, видимо, ни бога, ни черта тоже. Губернатор буквально почувствовал энергетику, исходящую от него даже сквозь экран телевизора. «Ничего себе, глаза у доктора, – подумал Пономаренко. – Интересно, кто это? Главврач или зам по лечебной части?»

На экране появились титры: «Заведующий отделением неотложной хирургии Городской клинической больницы №4 города Новосибирска Александр Корольков».

«Надо же, – позавидовал губернатор, – простой заведующий, а держится перед камерами, как министр Лавров: без напряжения, без смятения в глазах, уверенно, так, словно всю жизнь только и делает, что интервью дает».

Пономаренко, конечно, тоже чувствовал себя перед камерами вполне спокойно и уверенно, однако для этого ему пришлось изрядно потрудиться на протяжении всей своей политической карьеры: он и с преподавателем по риторике и ораторскому мастерству занимался, и с коучем (тьфу ты, слово такое противное, подумал Сергей Владимирович), и даже с логопедом немного. И далеко не сразу все у него получалось, благо начинал он всего лишь начальником департамента озеленения в мэрии одного приморского городка, поэтому мастерство оратора и уверенность в себе росли вместе с ним.

Тем временем журналисты начали задавать заведующему отделением вопросы:

– Александр Леонидович, сколько человек поступило в клинику на этот час?

– Двадцать восемь, – спокойно ответил тот и вдруг поморщился, словно у него что-то болело, и сильнее оперся рукой на трость.

– С какими травмами?

– Какого характера травмы у пострадавших?

– Двадцать восемь человек – это те, кто госпитализирован, – все так же спокойно и невозмутимо продолжал доктор. – Еще тридцати пяти пациентам уже была оказана и продолжает оказываться амбулаторная помощь, и они направляются на лечение в поликлиники по месту жительства, – он снова поморщился и продолжил. – Это пострадавшие с незначительными травмами – ушибы, неглубокие раны, простые переломы кисти или стопы. Остальные пациенты поступили с тяжелыми и очень тяжелыми травмами. Это открытые и закрытые переломы конечностей различного генеза, разрывы и ушибы внутренних органов, сотрясения и ушибы головного мозга, переломы позвоночника, разрывы кожных покровов.

– Сколько специалистов работают сейчас по проведению операций?

Корольков усмехнулся:

– Хотелось бы больше...

– Поточнее, Александр Леонидович! – с интересом воскликнул кто-то из журналистов, почуяв сенсацию. – У вас не хватает хирургов?

Губернатору тоже вдруг захотелось, чтобы заведующий выразился поточнее. И желательно не на камеру. Он махнул рукой на Витю, который открыл было рот, чтобы что-то сказать, и вперился взглядом в экран.

Доктор, снова переступив с ноги на ногу, как будто никак не мог найти удобное положение, ответил:

– В отделении травматологии работают четверо хирургов, в нашем отделении – пятеро, включая меня. Но все дело в том, что неотложная хирургия, как и травматология – это такие отрасли медицины, где решение об оперативном лечении принимаются здесь и сейчас, и само оперативное вмешательство производится, как правило, здесь и сейчас. А когда в один момент такое вмешательство требуется сразу нескольким пациентам? Врач не может отдать предпо-

чтение, счет идет на минуты, а порой – уж мне вы можете поверить – и на секунды. Коллеги из других отделений помогают нам, конечно же, вот из урологии доктора сейчас оперируют как раз разрыв почки у пациентки, – он обвел взглядом замолчавших журналистов.

Губернатор Пономаренко тоже замер и почувствовал, что волосы у него на голове начинают потихоньку шевелиться. «Что он несет, этот безбашенный мужик? – с ужасом думал губернатор. – Это же сейчас транслируют, а в лучшем случае снимают, а потом передадут в эфир все телеканалы! Вон, видно же, микрофоны „НТВ“, „1 канала“, местные тоже – куда без них, везде носы свои суют! „49“ вон оранжевее, веселенький, „8 канал“, „Двадцать пять“... Меня еще не избрали, а тут такое! Где вообще главнюк-то ихний?! Почему не он в кадре, а этот... бандит. У него еще и шрам на роже, вон, видно, слева... Как есть, бандит», – подумал губернатор и поймал себя на том, что подумал с симпатией.

– Витя! – заорал он. – Где гайцы?!

– Едут, Сергей Владимирович, пробки-то какие...

– Ладно, тихо, погоди... – он снова уставился на экран.

Журналисты (было видно, что от любопытства у многих заострились уши, как у охотничьих псов, почуявших добычу) тем временем продолжали засыпать врача вопросами.

– Так все-таки, Александр Леонидович, с какими травмами находятся сейчас в отделении пациенты? Насколько тяжелое состояние у людей?

– В основном состояние тяжелое, одна пациентка, к сожалению, находится в крайне тяжелом состоянии, она введена в медикаментозный сон. Характер ее повреждений таков, что помочь ей, провести операцию может только один хирург в нашем городе – моя коллега доктор Смирнова. Она недавно прошла обучение в Швейцарии как раз по таким операциям. Доктор находилась в очередном отпуске, радуется, что недалеко, в Алтайском крае, была отозвана руководством клиники, но... В данный момент ее машина стоит в пробке под Бердском, а всем нам известно, что пробка там многокилометровая.

Пономаренко в ужасе схватил трубку сотового:

– Дима! – заорал он, когда помощник ответил. – Дима, по каким каналам это уже прошло? Где Владислава?

Владиславой звали начальника пресс-службы губернатора.

– Э-э-э, Сергей Владимирович? Это вы? А вы где? – опешил помощник.

– В Новосибирске я! На Станционной в пробке стою, как... – он коротко выматерился. – Давай без лишних вопросов, Дима! Где Владислава, я спрашиваю?

– Она подъезжает к больничке, Сергей Владимирович. – На велике.

– На чем?! – не поверил своим ушам губернатор.

– Ну, на велосипеде, Сергей Владимирович. Город стоит.

– Так. Ладно. На велике так на велике. По каким каналам?

– Только по одному, Сергей Владимирович, по «Каналу «Двадцать пять»».

– И?! – заорал Пономаренко.

– Уже ведется работа с руководством других каналов, – промямлил Дима. Фрида Марковна уже звонит... – Фрида Марковна была второй помощницей губернатора. – Мы пытаемся, как можем, спасти ситуацию. Скорее всего, в эфир других каналов пойдет запись интервью, без лишних подробностей.

– Так, ладно, молодцы, Дима, все молодцы! Значит, так... Сейчас, погоди... Повиси...

В эфире тем временем продолжалась вакханалия, устроенная журналистами вкупе с этим... «Разбойник какой-то, а не врач, честное слово», – подумал Пономаренко.

– Елизавета Манникова, восьмой канал! Скажите, пожалуйста, хватает ли в вашем отделении койко-мест для лежачих пострадавших? Прошла информация, что люди лежат в коридорах!

«Вот сволочь! – опять мысленно возопил губернатор. – Знает ведь, о чем спрашивать!»

Доктор вытер тыльной стороной ладони лоб: хотя на улице было вовсе не жарко, было видно, что лоб у него покрыт испариной.

– Ну, давайте вместе посчитаем, – слегка улыбнулся он. – Конкретно в нашем отделении неотложной хирургии сорок койко-мест. Все они были на сегодняшний день заняты. Мы с коллегами смогли выписать на амбулаторное лечение тех пациентов, которых только было возможно. Это двадцать три человека. Остальные у нас лежачие, после тяжелейших операций. Сколько осталось? – спросил он у девицы.

Аудитория, которой он совершенно точно полностью завладел, не прилагая никаких усилий, одним только хриплым голосом и взглядом, напряженно молчала, выставив вперед микрофоны.

– Э-э-э... – промямлила девица, закатив к небу глаза: видно, считала.

– Вы плохо учились в школе? – улыбаясь, спросил бандитский доктор. – Да? Семнадцать, не трудитесь.

Раздались смешки, а драматический дамский шепот совсем близко от микрофона произнес: «Вася, крупный план-то возьми, е-мое!»

Доктор тем временем продолжал:

– Так вот, а в отделении травматологии всего тридцать койко-мест, и освободить там было нечего, большинство больных – лежачие. Наша клиника старейшая в городе, но небольшая, на самом деле. Так сколько получилось? – опять прицепился он к несчастной девице.

– Э-э-э... – снова затянула та.

– Двадцать восемь минус семнадцать... Ну? Остается одиннадцать. Пятерых забрали в другие отделения – в урологию и в неврологию. Да, и таким образом, шестерых больных пришлось положить в коридорах.

– Александр Леонидович, сорок девятый канал, Анастасия Деревянкина. Скажите, пожалуйста, всем ли необходимым для проведения операций обеспечены бригады хирургов? Хватает ли перевязочных материалов, медикаментов и компонентов крови для переливания?

– То, что было в отделениях, уже использовано. Это как раз перевязочные материалы, шовные материалы. Но в клинике всегда есть стратегические, так сказать, запасы. На данный момент, насколько мне известно, используются как раз такие резервы, причем не только из наших двух отделений, но из других отделений клиники.

– Но что же руководство больницы, почему оно не решает эти экстренные проблемы?! – искренне поразилась корреспондент Деревянкина.

– Главный врач и его зам по лечебной части, – в очередной раз поморщившись, ответил Корольков, – находятся в данный момент в операционной, проводят сложную ампутацию.

– Что предпринимается для того, чтобы облегчить нагрузку на клинику?

– Почему пациентов не везут в другие больницы города?

– Что говорят в минздраве?

Вопросы посыпались на заведующего как из рога изобилия. Дьявольски усмехаясь, тот ответил всем сразу:

– Это не в моей компетенции, кроме того, я сам только из операционной, где находился около пяти часов.

Тут громче других раздался женский голосок, обеспокоенно-игривый:

– Доктор! У вас спортивная травма? Почему вы с тростью?

Журналисточка заприметила этого брутального красавца еще в Шерегеше, в кафешке на горе, две недели назад, а сейчас с удивлением узнала его и решила совместить полезное с приятным, уж больно хорош он был, хоть и немолодой, лет сорок пять... Наверно... Или даже больше...

– Я вас разочарую, – с любезной улыбкой ответил он, и гул голосов снова стих. – Во-первых, это ортопедическое приспособление называется костыль с упором на локоть. Во-вто-

рых, у меня нет спортивной травмы, – он узнал девушку, которая строила ему глазки в Шерегеше, вот дурочка, подумал он, я же был с женой, – мне позавчера была проведена операция по удалению аппендикса.

– Позавчера?! – поразился кто-то из мужчин. – Но это же больно!

Доктор молча пожал крепкими плечами.

– Но кто дал такое распоряжение? Почему всех пострадавших везут в вашу клинику? – опять возмущенно спросили несколько человек.

Операторы, затаив дыхание, снимали сенсационные кадры. Где это видано, чтобы на интервью к журналистам выходил хирург, хоть и завотделением, в перемазанной кровью робе, и говорил такие вещи? Обычно информацию о состоянии пострадавших в той или иной катастрофе или массовом ДТП дает главврач, в крайнем случае, его заместитель, – в белоснежном халате, надетом поверх офисного костюма, в кабинете с дубовым столом или в тихом коридоре где-нибудь в районе больничной бухгалтерии, где ни кровью, ни потом, ни проблемами даже и не пахнет.

– Этого я не знаю. В минздрав дозвониться невозможно, сегодня же воскресенье, да и некогда нам. Средний персонал с ног валится, на них основная нагрузка по приему и оказанию первой помощи. У нас люди с суточных дежурств остались в отделении – все, кстати – и продолжают работать.

И тут губернатора, наконец, осенило: «Да я же сейчас этого козла Адова... Уберу в три секунды, он и испугаться не успеет! Вот так доктор! Вот так молодец!»

Пономаренко схватил сотовый:

– Дима! Ты здесь? – радостно заорал он в трубку.

– Здесь, Сергей Владимирович... – кисло ответил помощник. Вчера он несколько перебрал со своими бывшими одноклассниками в одном таком баре... очень хорошо, но дорогом... н-да... Кто же знал, что сегодня все это случится... И чувствовал себя еще не вполне комильфо.

– Короче. Пускай Фрида там активнее! Дальше. Узнать, какой идиот дал распоряжение перекрыть весь Красный, и доложить мне. Срочно направить все скорые в другие больницы, пусть экипажи ГИБДД откроют прилегающие улицы. Какие тут еще больницы есть?

– Ну-у-у, – протянул Дима, – какие? Вторая скорая – раз, «горка» вообще по дороге – два, еще там одна есть больничка, маленькая такая, забыл номер, в Октябрьском районе, тоже можно... И плюс первая поликлиника, там травма мощная, хоть и амбулаторная.

– Ты записываешь, Дима?

– Конечно, Сергей Владимирович, конечно, записываю, – торопливо ответил помощник и, прижав трубку плечом к уху, судорожно замахал жене: «Дай ручку, Кристина, блин, быстрее!»

– Так. Потом. Узнать, что нужно в четвертую больницу, конкретно: кровь, бинты, не знаю там, водки этому врачу...

– Не понял, Сергей Владимирович? – усомнился Дима.

– И не надо тебе понимать, Димочка, не надо, молодой ты еще... Пиши. Узнать номер машины этой докторши, которая под Бердском застряла в пробке, и номер ее сотового. Туда два экипажа ГИБДД и сопроводить до города. Альтенгофу скажешь, я приказал, а я ему чуть позже позвоню. И туда, на этих же машинах доставить телевизионщиков, да побольше, чтоб снимали все это мероприятие и в свои телекомпании засылали. И местные тоже, но самое главное – центральные. Энтэвэшники особенно... мать их... Дескать исполняющий обязанности губернатора лично приказал доктора к тяжелой пациентке срочно доставить, а доблестное ГИБДД скорей кинулось. Ну Владислава знает, чего говорить и как. Эх, Димка, был бы вертолетик хоть один! Ничего, выьем, обязательно выьем!

– Сергей Владимирович, я насчет водки не понял...

– Дима, это не пиши. Это шутка была. Юмора, так сказать, – губернатор поморщился, как от зубной боли, не хуже того доктора со шрамом на щеке, и подумал: «Господи, что за молодежь? Прямо дебилы какие-то повыврастали, честное слово! Вот что с ним делать? Так-то парень неплохой, исполнительный... Но вот как так, а?» – Ну а я пока к нашему другу Адову... Евгению Станиславовичу... наведуясь... – с угрозой в голосе продолжил он.

– О, Сергей Владимирович! Вон, похоже, гайцы наши пробиваются к нам! – воскликнул Витя.

– Ну и чудесно, Виктор! – весело ответил губернатор. – Жизнь-то налаживается!

Два экипажа, сверкая спецсигналами, медленно, но верно пробирались сквозь массив стоящих колом автомобилей в сторону бронированного губернаторского мерса. За рулем первой машины находился командир полка ДПС подполковник Сеница, который повторял в мегафон через равные промежутки времени: «Освободите полосу! Прижмитесь к правой стороне! Номер Ж двести сорок пять ПН, я вам говорю! К правой стороне!» Подполковнику пришлось самому выехать на сопровождение губернаторской машины, потому что больше попросту было некому: все экипажи были задействованы на месте обрушения и на патрулировании перекрытого Красного проспекта и прилегающих улиц. Из отпусков были отозваны все сотрудники, и на некоторых перекрестках вместе с сержантами ДПС стояли майоры и даже полковники. На Бердском шоссе, где пробка была особенно ужасающей, и где успели произойти несколько ДТП, надрывались всего три экипажа. Подполковник Сеница понимал, что после того, как они доведут мерседес губернатора до места, ему придется ехать в сторону Бердска на помощь уже выбившимся из сил пацанам. «А до резиденции еще как до Парижа не переставить, – думал Сеница. – Станиславского ребята сейчас, конечно, потихоньку освободят, по дворам распахают, а вот как через мост ехать? Хоть на воздух взлетай, е-мое...»

Доложив губернатору по всей форме, подполковник доверительно спросил:

– Домой, господин губернатор? В резиденцию?

– Спасибо, подполковник, – ответил Пономаренко, – на работу. Витя знает, там с другой стороны вход есть, сбоку, все не запомню, как улица называется. И, если можно, давайте не по Красному, а как-нибудь окольными путями. Я город еще плохо знаю, вы уж сами придумайте, хорошо?

– Так точно, господин губернатор, – ответил Сеница, – придумаем.

«Господи, как ему надо-то, – думал подполковник, – через какую улицу?»

Однако губернаторский водитель успокоил:

– Я знаю, как! Сначала по Димитровскому, а там через Урицкого, по дворам, по Щеткина, по Ядринцевской можно. Я покажу, – он с веселой улыбкой высунул руку с «мигалкой» в окно и поставил, наконец, ее на крышу. – Поехали, пацаны!

Взревев моторами, они потихоньку двинулись по Станционной: первым Сеница на своем служебном «УАЗ-Патриоте», следом мерседес, за ним – вторая машина сопровождения.

Тем временем возле главного корпуса Городской клинической больницы номер четыре тоже разворачивались события. Начальник пресс-службы губернатора Владислава Алексева, симпатичная хрупкая блондинка без возраста (на первый взгляд, ей было не больше тридцати, однако наличие сына-студента говорило все-таки о том, что Владиславе никак не меньше сорока), несмотря на катастрофических размеров пробки, доехала до больницы на своем спортивном велосипеде и успела как раз вовремя. Когда она оказалась возле главного корпуса, съёмочные группы сворачивали свои манатки, но никто еще не успел уехать.

Владислава, которую знали все без исключения журналисты города, поскольку она всю жизнь проработала в местных СМИ, быстро собрала вокруг себя несколько человек. И хотя обычно журналисты редко общаются друг с другом на подобном рода интервью, поскольку

конкуренция – вещь суровая, здесь многие подтянулись к Владиславе, которая, улыбаясь, давала дополнительную информацию к сказанному заведующим:

– Сергей Владимирович уже лично занимается всей этой историей, а доктора Смирнову, между прочим, сопровождают два экипажа ДПС с «мигалками»! Скоро она будет здесь, и проведет операцию той «тяжелой» пациентке, о которой говорил наш заводделением... Забыла, как его фамилия?

– Корольков... – мрачно напомнил Серёга Кашин, корреспондент «1 канала». – Его фамилия Корольков...

– Та-а-акой мужи-и-ик... – восхищенно протянула та самая журналисточка, что интересовалась про спортивную травму.

– Че там та-а-а-акого-то? – передразнил ее Кашин. – Мужик как мужик... На этого похож... Как его...

– Вот-вот! – воскликнула Владислава. – И я все думаю, на кого он похож?

– Ну на этого же, лысый тоже такой, тренер он еще какой-то, – попыталась внести ясность дама постбальзаковского возраста, которая шептала про крупный план.

– Да какой тренер, Люся, – оборвал ее Кашин, – он похож на Фёдора Бондарчука, вот на кого!

– Сам ты на Фёдора Бондарчука, Серёжа, похож, – заспорила Люся. – У Бондарчука нос картошкой, а у этого обычный нос! Он похож на Эроса Рамазотти!

– Какой тебе, Люся, эрос еще! В твоём-то возрасте! – подключился к беседе еще один журналист – из газеты «Аргументы и факты. Новосибирск».

– А такой, какого у тебя нету, Славик, – парировала Люся, и Владислава, уже держащаяся за бока от смеха, ей зааплодировала.

– Bravo, Люсьен! Так ему!

– Вы все идиоты! – воскликнула Танька Адаменко, по кличке Агдаменко, из «ИТАР-ТАСС». – Он похож на молодого Розенбаума! Только без усов! – и показала собеседникам язык.

– Да, кстати, похож, действительно, – удивленно согласилась Владислава. – Но опять же, усов нет, значит нифига не похож...

– Нет, ну все-таки, какой мужи-и-ик, – опять затянула молодая журналисточка, которую звали Лена. – Интересно, женатый?

– Вот бабы, а! – возмутился обделенный эросом Славик. – Все об одном! Тут в городе траур на неделю, а она женатый – неженатый! Тьфу!

– Ой, а че такого-то, Славентий! – воскликнула Лена. – Я девушка одинокая! Не с тобой же мне пашни крутить!

– А почему это не со мной? Я что, хуже других? – обиделся Славик.

– Ну Люся же сказала, что у тебя эроса нету, – пояснила та.

– Вот дура! – сплюнул Славик, уже пожалев, что ввязался в этот идиотский спор.

Вика Белова, корреспондент «Радиостанции «Студия Тэсс», высказала свою версию:

– Он похож знаете на кого? На этого... Актер американский... Забыла!

– Вика! – завопила Лена. – Я поняла, про кого ты! Но он же того... А этот натурал!

– Откуда ты знаешь, что он натурал? – возмутился Славик. – Ты что, со свечкой стояла?

– Я его раньше видела, – неохотно призналась Лена. – В Шерегеше... Он был с потрясающей блондинкой.

– А ты чего? – заинтересовались одновременно Вика и Владислава. – Пыталась его поднять? Составить конкуренцию его блондинке?

– Пыталась, конечно! Только куда там...

– Нет, молодежь, – вступил в дискуссию корреспондент «НТВ», один из старейших журналистов города Вадим Петрович Терещенко. Он брал в свое время интервью у самого Раджива

Ганди, когда тот был с визитом в Новосибирске, да и, помимо Ганди, за свою карьеру пообщался с таким количеством знаменитостей, что сам уже стал живой легендой среди коллег. – Этот ваш Корольков ни на кого не похож, и похож сразу на всех лысых и черноглазых известных людей. А вот что мужик он та-а-акой, – передразнил он запавшую на доктора Леночку, – это точно! Харизма у него – будь здоров! И перед камерами держится, как будто всю жизнь этим занимается. Я б с таким в разведку пошел!

– Да ну вас, Вадим Петрович, с вашей разведкой, честное слово! – возмутилась Елизавета Манникова. – Он добрый! Я, как дура, от сорока двадцать три не могла отнять, а он только улыбнулся.

Славик же, неопределенно хмыкнув, задумался не о том, на кого похож этот врач, а о том, что тот так... так держался перед камерами, что Славик, перевидавший на своем веку много интервьюируемых, был, откровенно говоря, поражен.

Тем временем губернаторский мерседес стараниями подполковника Синицы пробирался понемногу к зданию Правительства области. На мосту, конечно, пришлось и постоять, и покричать в мегафон, но часа через полтора они миновали театр «Красный Факел» и, попетляв теперь уже под руководством Виктора по каким-то тихим улочкам Центрального района, подъехали к зданию с противоположной от Красного проспекта стороны и остановились у малоприметной двери с торца здания.

– Все, подполковник, благодарю вас! – пожал Синице руку губернатор. – Прибыли!

– Разрешите ехать? – взяв под козырек, спросил подполковник.

– Да, конечно! Дальше мы сами.

– А в резиденцию, господин губернатор? Поедете?

– Если поеду сегодня, сообщу Альтенгофу. Не беспокойтесь, подполковник! Сейчас не до резиденции, такое в городе... Езжайте!

– Слушаюсь! Всего хорошего!

– До свидания! Спасибо, – махнул губернатор ребятам из второй машины сопровождения и зашел в здание.

Дверь, в которую вошел губернатор Пономаренко, совершенно обычным образом открыв ее своим ключом, вынутым из кармана, являлась самым что ни на есть черным ходом: узенький коридорчик вел в хозяйственные помещения цокольного этажа, из которых, в свою очередь, был проход в гараж и наверх, в конференц-зал первого этажа. Выйдя из конференц-зала, губернатор попал в коридор, который не было видно с поста охраны, и, поднявшись по лестнице на третий этаж, оказался в вотчине министра здравоохранения Адова. Коридоры, как и лестничные марши, были абсолютно безлюдны, и губернатора, бесшумно идущего в сторону приемной министра, никто не увидел. Дверь в приемную Адова была открыта, и Пономаренко, мягко ступая ногами в кроссовках, зашел в нее. Секретарей не было. «Оно и понятно, – подумал губернатор. – Воскресенье же».

Не раздумывая ни секунды, Пономаренко потянул на себя тяжелую деревянную дверь. «Дуб, что ли? – мелькнула у него мысль. – Кучеряво живет товарищ Адов...»

Дверь бесшумно открылась, и губернаторскому взору предстала невероятных размеров «плазма» на противоположной от входа стене. На экране виднелись в огромную величину какие-то «поющие бикини» – бюсты и попы так и сверкали под невнятную мелодию. Пономаренко, не считавший себя, в общем-то, ханжой, брезгливо поморщился.

Министр же Адов, сидевший в кресле спиной к входу, ничего не услышал, поскольку звуки, доносившиеся с экрана, по масштабу не уступали размеру изображения.

Губернатор хотел было позвать министра, но опять засомневался насчет того, как его зовут. «Тьфу ты, черт! – разозлился он и быстро достал телефон. – Как же ж его... Евгений... А, вот! Станиславович! Да! Точно!»

– Ну здорово, Евгений Станиславович, – произнес он довольно громко.

Адов от неожиданности неловко повернулся и чуть не упал с кресла. Подскочив, он уставился на губернатора так, словно тот умер, его похоронили, а теперь он, восстав из могилы, явился к министру в кабинет.

– А-а-а... – хрипло выдохнул Адов. – А-а-а... Сергей Владимирович?! А как? А вы что... Приехали?

– Ну как видишь, Адов, приехал. Да выключи ты эту дрянь уже!

– А-а-а... – опять просипел министр, нервно тыча онемевшими от ужаса пальцами в пульт. – Э-э-э, да, конечно, что ж такое-то, никак... А, вот, да... – и, выпучив глаза, уставился на Пономаренко, явно не понимая, что нужно говорить или предпринимать в сложившейся неловкой ситуации.

– А скажи-ка мне, Адов, – задумчиво проговорил в наступившей наконец тишине губернатор. – Тебе аппендицит вырезали?

Вопрос был настолько неожиданным, что министр идиотски заулыбался и ответил:

– Бог миловал, господин губернатор! А что?

Губернатор так же задумчиво продолжил:

– А вот мне, Адов, вырезали... На первом курсе. Я тогда еще молодой был, как ты понимаешь...

Министр вопросительно смотрел на него.

– Во-о-от.... И я прекрасно представляю, как себя чувствует человек на второй день после этой операции...

– Как? – оторопело спросил министр. Он совершенно не понимал, откуда взялся в его кабинете губернатор, который абсолютно точно должен был прилететь только завтра. Адов даже справки наводил через своего водителя: в гараже всегда знают больше, чем в коридорах власти. Однако информация была такая, что Пономаренко прилетит из отпуска только в понедельник. Кроме того, разговор об аппендиците был настолько неожиданным, что Адов не знал, как на него реагировать.

– Как-как? Хреново! Болит все, хоть на стену лезь, а если до сортира дойти, так это целое дело: разогнуться невозможно, кажется, что кишки сейчас вывалятся.

– Э-э-э, Сергей Владимирович, я не вполне понимаю, в какой связи...

– А в такой связи, Евгений Станиславович, – неожиданно для самого себя вспомнив имя-отчество министра, зловеще произнес губернатор, – что мне очень хотелось бы узнать, почему в подведомственном тебе медицинском учреждении хирург, которого позавчера самого прооперировали по поводу аппендицита, вынужден встать к операционному столу, только потому, что какому-то му... дрецу пришлось в голову дать распоряжение отправлять всех пострадавших в одну! В одну больницу, причем не самую крупную в городе!!! Ты можешь это как-то прокомментировать?

Адов, не смотревший новостей, потрясенно уставившись на губернатора, молчал.

– Ну? Чего ты молчишь? Кто распорядился отправлять всех пострадавших в четвертую больницу, а? Имя, сестра, имя! – процитировал губернатор, чем ввел министра в еще больший ступор.

«Какая сестра, – в ужасе думал Адов, не увлекавшийся в детстве похождениями трех мушкетеров в телевизионной версии, как, впрочем, и в книжной, по причине своей полной невосприимчивости к прекрасному, будь то музыка, книги или кино, – я же не сестра... Господи, он что, с ума, что ли, сошел?»

– Я жду, Адов! – возвысил голос губернатор. – Кто? Ты?

Министр, собрав волю в кулак, наконец, смог сформулировать нечто похожее на связную речь:

– Видите ли, Сергей Владимирович... Четвертая больница расположена территориально таким образом, что везти туда пострадавших является наиболее удобным...

– Да ну? – поразился губернатор. – И именно поэтому перекрыли весь Красный?! Я еще выясню, кто это додумался!

Адов похолодел: распоряжение перекрыть Красный проспект дал именно он. Ну не распоряжение, конечно, а, будем говорить, высказал пожелание министру транспорта Горяеву, который, в свою очередь, позвонил Альтенгофу и облек его пожелание в такую форму, что выходило, будто бы чуть ли не сам губернатор Пономаренко, находясь в Доминиканской Республике, вдали, так сказать, от родины, принял столь мудрое решение: перекрыть Красный проспект полностью, от автовокзала до «Сибирской ярмарки».

– Вы тут что, совсем с ума все походили, Адов? – распаялся губернатор. – Ты вообще представление имеешь о том, сколько в этой больнице койко-мест? Сколько врачей и среднего медперсонала? А? Почему не отправляют в другие больницы, а везут всех туда?

– Я имею представление, господин губернатор... – начал министр.

– Да ни хрена ты не имеешь! – перебил его Пономаренко. – Там всего девять врачей, а раненых десятки! И все неотложные! Знаешь ты, что такое неотложные пациенты?

– Я врач, Сергей Владимирович, – с достоинством ответил Адов и выпрямил спину, от чего туго облегающая его несколько оплывший торс рубашка с актуальным принтом «турецкие огурцы» растянулась на две пуговицы, оголив волосатый живот, – и, конечно же, знаю, что такое неотложная хирургия!

– А вот раз ты врач, Адов, – зловеще нависнув с высоты своих ста девяти сантиметров роста над невысоким толстеньким министром, начал Пономаренко, – ты сейчас у меня сам к операционному столу встанешь! Вместо того мужика, который на обезболивающих пять часов отстоял и пошел обратно людей оперировать, потому что больше некому!

– Я дерматовенеролог, господин губернатор, – с еще большим апломбом сказал тот, – а не хирург! – он так и произнес: «дерматовенеролог».

– Ну насчет дермато ты в точку попал, Адов! – с удовольствием поиграл словом губернатор. – Дермато – это прям самое оно.

– Господин губернатор, – торопливо застегнув рубашку, попытался спасти ситуацию Адов, – если вы считаете, что раненых необходимо отправлять в другие клиники, я сейчас же дам распоряжение...

– Уже дадено, – успокоил его Пономаренко. – Не суетись, Евгений Станиславович. А лучше мне скажи, кто Красный перекрыл? А? – ласково продолжил он.

– Альтенгоф! – честно глядя в глаза губернатору, ответил Адов.

«Сейчас еще перекрестится и скажет: мамой клянусь!» – усмехнулся про себя тот.

– Да ладно! Альтенгоф бы не догадался, да и не в его компетенции – такие решения принимать, так что не надо мне тут ля-ля! – воскликнул губернатор.

– Зато смотрите, Сергей Владимирович, – убежденно начал министр здравоохранения, – все машины скорой помощи беспрепятственно проезжают сразу в четвертую клиническую... – и замолчал под тяжелым взглядом губернатора... – Н — да...

– Я ж тебе говорю, Адов, – терпеливо проговорил Пономаренко. – На кой туда-то всех везут? Что, других больниц нету?

– Да как бы есть... – Адов начал приходить в себя. – «Горка»... Вторая скорая...

– Короче, Адов, дорогой ты мой человек. Завтра чтоб прошение об отставке лежало у меня на столе.

– В смысле, Сергей Владимирович? Чье прошение?

– Твое! Твое, Адов! – Пономаренко опять забыл, как зовут министра. – А сейчас, будь любезен, вызови сюда своих замов. Какого хрена они на мосту этом делают? Пиарятся, что ли?

– Но, Сергей Владимирович...

– Адов! Если не хочешь, чтобы я тебя дерматовенерологом в Татарский район отправил, пиши! Пиши, Адов, бумага все стерпит!

Министр оторопело молчал.

Губернатор, понимая, что Адову доложат об интервью в четвертой городской больнице, страшным голосом произнес:

– Тронешь кого-нибудь, будешь иметь дело со мной! Понятно говорю?

Пономаренко, пока шел до своего кабинета, позвонил начальнику службы безопасности Можаяеву:

– Анатолий Иванович, приветствую. Срочно мне досье на этого заведующим, который только что по «Каналу «Двадцать пять» интервью давал. Что-то больно смелый он... Подозрительно... Все, жду.

Однако и губернатору, и начальнику его службы безопасности было неведомо одно важное обстоятельство.

За час до наделавшего столько шума прямого эфира по дороге в операционную в больничном коридоре главный врач четвертой клинической больницы Семён Маркович Мусин остановил хромящего ему навстречу Королькова:

– Саша! Погоди.

– Да, Семён Маркович?

– Ты сейчас куда?

– Пойду полежу пять минут, Семён Маркович... Совсем тяжело. Ира уколола мне рофекоксиб, дважды уже. Морфин-то нельзя...

– Ну лежи, лежи, н-да... – он помолчал. – Саша. Скоро телевидение приедет. Надо выйти и сказать им что-нибудь.

– Я?! – с ужасом воскликнул заведующим. – Пощадите, Семён Маркович!

– Ну а что, я, что ли, пойду на старости лет звезду экрана из себя строить? У меня две ампутации привезли, сам же знаешь!

– Семён Маркович, – Саша умоляюще посмотрел на него. – Может, пусть Лёха сходит, а?

– Лёха только зашел во вторую, Саша, и там надолго! Иди ты!

– Ну Семён Ма-а-аркович, – как в студенческие годы, когда надо было отпроситься с дежурства, а Мусин не отпускал, занял Саша. – Ну пожалуйста! Еле на ногах стою...

– Ты вот что, – начал торговаться профессор Мусин. – Ты иди, отдохни немного, а я ту перфорацию кишечника возьму, идет?

– Ну вы и мертвого уговорите! Хотя я, конечно, полностью живым сейчас себя назвать не возьмусь... – уныло согласился Корольков. – Чего им говорить-то?

– Короче, Саша, – взяв его под локоток, заговорщицки начал Мусин. – Меня все это бл... достало! – он провел ребром ладони по горлу. – Вот так! Козлы эти, – добавил он. – Надо сказать все, как есть, но так, чтобы это исходило только от тебя, понимаешь?

– Здорово вы придумали, Семён Маркович! – возмутился Саша. – И что, меня потом практики лишат, как минимум? А как максимум, расстрел с конфискацией?

– Тебя никто не тронет! Я уже звонил в Москву свату.

– Ну и пусть бы сват ваш и разбирался с этим дерьмом! – оглянувшись по сторонам, громким шепотом возразил Корольков. – Ему уж как-то сподручнее там, в москвах-то...

– Разберется, конечно, но только всему свое время, Саша.

Тут возле них как из-под земли возник Илья Левин.

– Саня, ну ты чего? – воскликнул он. – Идешь или нет? Иди давай, ложись, пока кушетка свободна! Ходит тут, как привидение! Тебе лежать надо, вон кровяшка через бандаж уже! Ушивать тебя придется заново, е-мое! Здрас-с-сьте, Семён Маркович! – и унесся по коридору.

– Здорово! – ответил ему вслед Мусин. – Все, Саша, давай, полежи маленько и вперед. Скажешь, мол, ни врачей, ни медикаментов, ни койко-мест не хватает. Если хотя бы по одному каналу это пройдет, уже хорошо. А то мы вконец тут завалимся... Как начнет народ мереть, тьфу-тьфу-тьфу, вот тогда нам точно крапонец.

– А может, еще в минздрав позвонить? – хватался за соломинку Корольков. – Может, ответят?

– Ну кто? Кто тебе ответит в воскресенье? – возмутился Мусин. – Попка-дурак на телефоне, в лучшем случае...

– Семён Маркович! – крикнула сестра, приоткрыв дверь оперблока. – Можете приступать, подали уже!

– Короче, Саша, все. Выйдешь и скажешь, – безапелляционно произнес главврач. – Потом разберемся. Сват сказал, правильно все. Глядишь, Адова этого, – мечтательно поднял глаза к потолку и цветисто выматерился профессор, – уберут, наконец, а кандидатура свата совпадает с кандидатурой, которую поддерживает губернатор. Иду я, иду, – крикнул он в сторону операционной. – Иду...

– Семён Маркович, – закатился Саша, несмотря на нестерпимо саднящий бок, – вы прямо как кардинал Ришелье, партию разыгрываете...

– Поговори мне еще! – рассердился Мусин. – Как шов? Кровит?

– Кровит, – ответил Саша и поморщился. – Больно-то как, е-мое...

– Ладно, иди. У тебя язык хорошо подвешен, как чего сказать, сам решаешь. Может, морфину?

– Да как морфину, Семён Маркович? Работать некому! Дашку Мельниченко из декретного вызвали, а ей рожать через три недели. Так она прямо во время операции – в обморок. Ну куда, к черту, на таком сроке, а там духотища... Хорошо, подхватить успели. Ну и все, пришлось мне вставать.

Согнувшись от боли и придерживая рукой живот, Саша пошел в ординаторскую. Со стоном улегшись на кушетку, он потихоньку разлепил застёжку послеоперационного бандажа и убрал его в сторону. Повязка на животе была пропитана кровью.

– Абрам! – позвал он доктора Новикова, который, стоя у окна, торопливо прихлебывал остывший кофе из граненого стакана. – Посмотри, а? Похоже, разошлось все к такой-то матери...

Абрам поставил стакан с кофе на подоконник, быстро вымыл руки над раковиной, висящей в углу ординаторской, и подошел к кушетке:

– Ох ты! – воскликнул он. – Точно, разошлось... Сейчас, Саня, погоди. Надо антисептик. Полежи, я сейчас. Принесу все, перевяжем тебя. А потом ушьем, когда все это... – Абрам был очень интеллигентным и воспитанным человеком и редко позволял себе ненормативную лексику, но тут выразился так, что любо-дорого, – закончится...

– Ага-а-а-а, – жалобно протянул в ответ Корольков, – если будет, чем...

– Ничего-ничего, Саша, – успокоил Новиков, – найдем. Полежи, – и пошел к двери.

– Позови кого-нибудь из сестер, чего ты сам-то, – вслед ему предложил Саша.

Абрам обернулся и покрутил пальцем у виска:

– Сань, ты чего, от обезболивающих совсем ку-ку? Нету никого! Я случайно на пять минут зашел, кофе хлебнуть, в горле пересохло! Мне тоже сейчас заходить в третью, там уж привезли, поди...

Побросав в кювету окровавленные бинты, он наложил Саше новую повязку, осмотрев предварительно шов.

– Ну ничего, Сань, тут немного. Больше кровячки. Сделаем потом. Только уж тогда – лежать, мой дорогой! Лежать и спать!

– Мечтать не вредно, – засмеялся Корольков. – В морге, похоже, выспимся. Вон, слышишь? Опять сирена, мать их! Спасибо, Абрам Фёдорович!

– Нема за шо, Александр Леонидович! В Шерегеш отпустишь?

– Вот какие вы все-таки, а! – воскликнул заотделением, вспомнив Абрашиного единоверца Мусина. – Корыстные люди!

– Это есть, Саня, уж есть так есть, – засмеялся в ответ Абрам. – Таки разве это плохо?

– Да я бы тебя и так отпустил, Абрам Фёдорович!

– Не люблю быть должным, – засмеялся в ответ Абрам. – Все, лежи пока.

Он вышел из ординаторской, и Саша остался один.

В лицо противным голубоватым цветом светила лампа, и так от этого бело-голубого неестественного сиянья было муторно, что словами не описать. Ему всегда становилось тоскливо, когда в комнате горел верхний свет, особенно если за окном была темнота. «Наверно, что-то из детства, – грустно думал он. – Ассоциативная реакция...» Доктор Корольков, несмотря на всю свою внешнюю брутальность и раскованность, любил камерную обстановку и теплый приглушенный свет. Например, от ночника или торшера, накрытого большим платком. Как у Кати, вдруг опять вспомнил он.

Лето 1993 года

В ее спальне возле кровати стоял торшер со светло-оранжевым абажуром, и на ночь Катя оборачивала этот абажур большим шелковым платком, чтобы свет был не таким ярким, оставляя верх абажура открытым.

– Вдруг загорится, – вытаращив глаза, говорила она, – я так боюсь огня!

А Саша смотрел на нее, смеялся потихоньку над ее страхами и не видел ничего, кроме этих огромных вытаращенных зеленых глазниц.

– Глупенькая ты какая, Катька, – улыбался он. – А выключать не пробовала на ночь? Просто взять и выключить, и ничего не загорится!

Она тоже засмеялась в ответ:

– А я и темноты боюсь! Мне все время кажется, что там, в темноте, знаешь, что?

– Что? – жутким шепотом спросил он. – Что?

– Ты будешь смеяться надо мной...

– Кать, да уже смешнее некуда! – закатился он. – Признавайся давай!

Она зарылась лицом ему под бок и там, замотав головой, промычала:

– Не скажу...

– Нет уж, говори! – ему уже на самом деле стало любопытно, чего же может бояться эта девчонка, такая смелая в суждениях и в проявлении чувств тоже, такая самостоятельная и бесстрашная.

– Голова профессора Доуэля! – выпалила она.

Он молчал, переваривая информацию.

– Ну! – воскликнула она. – Чего ты не смеешься?

– Да не смешно, Кать, на самом деле, – наконец серьезно проговорил он. – В каком возрасте ты ее читала?

– Ох... Да сначала я ее даже не читала... Бабушка, царствие небесное ей, додумалась рассказать сюжет. Мне тогда лет восемь, наверное, было, – Катя снова уткнулась холодным носом в его бок: в квартире было нежарко. – Так я до такой степени боялась, что бабушка сама перепугалась, и просила родителям не говорить, а то бы ей влетело.

– Ну это, конечно, очень рано, – согласился Саша, – для такой мерзости... Погорячилась твоя бабуля.

Он обнял ее и сам зарылся лицом в ее локоны:

– Бедная девочка, – пожалел он ее, – так и осталось...

Катя вдруг засмеялась:

– Ага! Косоглазие!

Он тоже засмеялся, а про себя поразился ее умению во всем находить смешное и любую ситуацию обращать в шутку.

«А вот когда она тут совсем одна ночевала, – думал он, – как же, наверно, ей бывало страшно: и тебе голова эта проклятая в темноте, и под окнами, даже в нашем относительно спокойном и тихом дворе, частенько невесть что – то пьяные крики, то поножовщина возле ночных киосков на углу... Лежала, наверно, и сердечко от страха в пятки уходило».

– Козочка ты, козочка, – прошептал он и поцеловал ее макушку, от чего она замерла и перестала дышать. – Ну сейчас-то не страшно? Я же здесь...

В ответ Катя прижалась к нему, обхватила руками за шею, и он, целуя ее нежные припухшие губы, вдруг почувствовал, что они соленые от слез.

Когда потом, много лет спустя, Саша возвращался мыслями в эти несколько летних недель, проведенных с Катей, он не мог найти в своей жизни более счастливых воспоминаний. Он тогда не думал ни о чем плохом: ни о том, что ждет его, ни о том, сможет ли он восстановиться в институте и учиться дальше – он просто был уверен, что с учебой все будет хорошо. Не думал он и о том, что будет с ними – с ним и Катей, с их отношениями в будущем. В те недолгие недели Саша чувствовал себя свободным, и свобода эта не была ни бесшабашной, ни бездумной. Это была, думал он много лет спустя, абсолютная свобода: с Катей он был свободен от неуверенности и внутренних терзаний, он был свободен от каких бы то ни было предубеждений и от стереотипов, которые пусть немного, но все-таки присутствовали в его сознании. Свободен он был и от мыслей о будущем: почему-то в те два с небольшим месяца он был так глубоко и так твердо уверен, что все в его жизни сложится хорошо, что был счастлив. «Да, я был счастлив тогда, – думал он спустя десятилетия, – но я не знал об этом! Как глупо, как бездумно я распорядился тогда своим счастьем. Нет, думать-то я, конечно, думал, да только не о том, идиот. Я не знал, что свободным я могу быть рядом только с одним человеком, и человеком этим оказалась нежная и настоящая девочка, моя девочка, моя Катя».

Он пытался быть свободным в одиночку, изгоняя из своей жизни все случайные и серьезные романы, – и у него не получалось. Не потому, что он оказывался один, а потому, что рядом не было ее: чудесной и красивой, умной и насмешливой, нежной и доброй. Только с ней он был собой, мог позволить себе такую, оказывается, роскошь – быть собой.

Все больше отдаляясь во времени от счастливого лета 1993 года, Саша явственнее и четче понимал, что все, что удавалось ему достичь в жизни и в профессии, достигалось им не благодаря чему бы то ни было, а вопреки. Вопреки одиночеству, несмотря на наличие верных и настоящих друзей, охватывающего его все больше и чаще. Вопреки пониманию того, что что-то (а он прекрасно знал, что именно) в его жизни пошло не так. Вопреки отсутствию любви, хотя – видит бог! – он старался. Он искал ее и думал, что все равно когда-нибудь сможет полюбить и тогда забудет Катю, и настанет для него другая – счастливая – жизнь.

Он становился старше, мудрее и именно поэтому несчастнее. Брак его оказался неудачным, потому что Арина была совсем не тем человеком, с которым можно было бы чувствовать себя счастливым и свободным. Избалованная и, к сожалению, неумная, она совершенно не разделяла его взглядов и его мироощущения. «Где были мои глаза, господи! – часто думал Саша, куря ночью на кухне шикарной Ариной квартиры, подаренной ей ее отцом. – Где? Рядом со мной женщина, которая, да, безусловно, очень красива и молода, но, как выясняется, это не главное. О чем говорить с человеком, который не читал Чехова и Толстого, Достоевского и Куприна? Куда деваться, если женщина, с которой ты делишь кров и постель, не понимает ни

единого фильма, вызывающего у тебя восторг? Что делать, когда она, спутница твоей жизни, которая должна быть единомышленницей, с удивлением подняв небесной красоты брови, спрашивает: «Зачем идти в этот дурацкий Лувр, кому он нужен? Ведь можно, пока есть время, закатиться в Галерею Лафайет, тем более, папа дал денег».

Всегда во время таких вот приступов самобичевания он вспоминал Катю и ему становилось еще хуже. «Катя бы поняла, – думал он. – Катя бы оценила».

Однако почему-то ему не приходило в голову найти ее: он был уверен, что Катя после того, что он сделал с их отношениями, и разговаривать с ним не станет. «Это невозможно простить, – думал он, – то, что сделал я. Ведь даже тогда я понимал, что люблю ее, и что она тоже меня любит. Как хватило у меня идиотизма уйти от нее, от своей, до боли в груди своей девочки? Как выдержал я это? Почему не умер тогда от перепоя в общаге мединститута?»

Только один раз за все прошедшее с девяносто третьего года время он видел Катю – тогда, на юбилее школы. Она так и осталась в его памяти: широко раскрытые глаза, которые смотрели прямоком в его душу, смотрели с какой-то то ли мольбой, то ли с удивлением... Стройная фигурка под простым льняным платьем и огромный дымчато-коричневый топаз на среднем пальце правой руки.

Невозможно было передать словами, что испытывал Саша в моменты таких вот приступов острого одиночества и понимания того, что жизнь его несчастна. Он становился на долгие дни и недели поникшим и грустным, и единственным, что спасало его, это была работа. Он брал дежурства и студентов, заменял приболевших коллег, писал давно обещанные статьи и лекции... А когда работать становилось совсем не в состоянии, он говорил себе со злостью: «Вкалывай, вкалывай, достигай еще большего совершенства! Ведь ради этого ты тогда оставил ее! Так что же, получай! Работай до седьмого пота, до звезд в глазах, ты этого хотел! Падай без сил на кушетку в ординаторской после того, как простоял за операционным столом десять часов без перерыва, не имея возможности даже пошевелиться! Спи на ходу, возвращаясь домой после суточных дежурств, и смотри сны! Так тебе и надо!»

Он очень завидовал в такие моменты людям, способным создавать что-либо: книги, полотна, стихи и особенно – музыку. Саша читал много биографических книг об известных музыкантах, живописцах, поэтах и знал, что большинство великих произведений рождались у авторов именно в минуты душевных мук, как правило, связанных с любовным недугом. Наверно, думал он, им становилось легче, когда они выражали свои чувства в произведениях, выплескивали страдания на бумагу, на холст или на нотный стан... Сам он этого не умел, но иногда все же садился за инструмент – совсем редко, когда навещал родительскую квартиру. Фортепьяно стояло в большой комнате, и он тщательно следил сам и просил тетю Клаву, которая приходила делать иногда уборку, за тем, чтобы у инструмента всегда была вода. Саша тихонько придвигал к нему стул, открывал крышку и брал аккорды. Порой даже становилось легче, если он не углублялся в воспоминания, связанные с фортепьяно и Катей: как он сидя гольшом за инструментом, стоящим в ее спальне, играл для нее французские мелодии. И как нежно и щемящее звучали в тишине ее квартиры «Если б не было тебя», «Салют!», «Уезжай, милый, вспоминай меня», а Катя, задумавшись и широко раскрыв глаза, смотрела куда-то вдаль и слушала... Если он не вспоминал об этом, становилось легче, и он снова нырял в круговорот своей работы, потому что иначе просто уже не мог: понимал, что с годами становится все более нужным своим пациентам, ведь были манипуляции, которые во всем городе мог сделать только доктор Корольков, а значит, только от него зависели жизни людей, попавших в беду.

2015 год

«Никогда ни одна женщина не принадлежала мне так: до слез, до боли в груди, как принадлежала Катя», – вдруг понял он и, вынырнув из воспоминаний, как выныривал в детстве

из серой воды реки Бердь – почти задохнувшись, осознал себя лежащим в пустой ординаторской на холодной кушетке, под отвратительным голубоватым светом лампы, бьющим в глаза, и с дикой болью в разрезанном животе.

Прикрыв глаза, Саша подумал о том, что скоро приедут журналисты, и снова вспомнил Катю, то, как она, цитируя великую Раневскую, саркастически называла представителей второй древнейшей профессии: «телевизионные деятели искусств».

«Вот-вот, – мысленно усмехнулся он, потому что усмехаться по-настоящему не было сил, – сейчас приедут телевизионные деятели искусств, и мне придется соскребать себя с кушетки и идти вместо Семёна Марковича отвечать на idiotские вопросы».

В принципе, доктор Корольков не имел ничего против журналистов. Однако понимал, что вопросы в любом случае будут idiotские. Ведь если человек не знает медицинской «кухни», будь он журналист или не журналист, спросить нормально не сможет.

«Вот ведь наверняка, – думал Саша, – начнут допытываться, сколько народу привезли. А какая разница, сколько народу, вы лучше спросите, сколько врачей работает и сколько вообще-то операционных в больнице! Скорей бы Лорка Смирнова приехала, та пациентка совсем плоха», – он, постанывая от боли, с трудом просунул руку в карман и достал телефон – посмотреть последние новости.

Последние новости были неутешительны. Как утверждал НГС, под завалами на настоящий момент могли еще оставаться люди – поисковые собаки указывали на их присутствие.

От загоревшихся машин занялось опутанное строительными лесами деревянное здание-памятник, закрытое на реконструкцию. Саша понял, о каком здании идет речь: недалеко от злополучного пешеходного моста действительно недавно начали реконструировать памятник деревянного зодчества начала XX века. Памятник, правду сказать, был так себе, с натяжкой, больше походил на двухэтажный барак, какие в изобилии представлены на левом берегу, однако год его постройки обязывал власти признать его исторической и культурной ценностью и выделить средства на реконструкцию.

Пробки в городе превосходили всякое вероятие, НГС опубликовал множество фото и видео, в том числе сделанные дронами, на которых было видно многокилометровые хвосты из машин, мчащиеся по тротуарам пожарные и полицейские автомобили. За ними пристраивались самые смелые и безбашенные водители в надежде проскочить мимо постов ГИБДД. Поскольку все сотрудники госавтоинспекции патрулировали по распоряжению властей Красный проспект и прилегающие к нему улицы, то на остальных магистралях постов было мало, и в городе на дорогах царил полнейший хаос.

Затем в ленте промелькнуло сообщение о том, что, возможно, на патрулировании городских улиц будут задействованы военные.

«Да что ж такое, – подумал Корольков. – Совсем они там, что ли? Мало того, что пострадавших в одну больницу везут, как будто других клиник в городе нет, так еще и всех гаишников куда-то не туда поставили! Сейчас начнут колотиться, все ж бессмертные, лезут на рожон. Они бы еще военное положение ввели, придурки».

Поймав себя на мысли, что ворчит, как старый дед, Саша закрыл айфон. «Ну его нафиг, – подумал он. – Мне какая разница, мой „крузачок“, вон он – на заднем дворе главного корпуса стоит. Арина вот только поздно вечером прилетает. Ну не маленькая, сообразит», – пытался он успокоить себя, хотя прекрасно понимал, что его благоверная, конечно же, с такой задачей – добраться из аэропорта до дома в стоящем колом городе – не справится.

«К этому моменту, возможно, что-то произойдет, чудо, например, – продолжал он рассуждать, чтобы отвлечься от боли, – и каким-то волшебным образом пробки рассосутся. Тогда она приедет домой на такси. Позвонит мне, а я после операции, мне нельзя никуда ехать. А вообще, побыла бы она там с недельку! Вот было бы прекрасно!»

Он даже задремал немного, до того устав от боли и напряжения, что вырубился буквально с открытыми глазами, и, когда в ординаторскую заглянула мусинская секретарша Лиза, не сразу сообразил, чего та от него хочет.

– Александр Леонидович! – радостно воскликнула Лиза. – Вы здесь? Слава богу!

– М-м-м... – промычал в ответ Корольков.

– Александр Леонидович, проснитесь, – Лиза подошла к кушетке и обеспокоенно заглянула ему в лицо. – Проснитесь, пожалуйста!

– Лизонька? Что случилось? – он так отключился за эти несколько минут тяжелого, как обморок, сна, что не мог сообразить, где он, и что вокруг него происходит.

– Так телевидение приехало, Александр Леонидович! Семён Маркович сказал, что вы пойдете...

– Куда? – он все никак не мог проснуться и тарашил на нее черные и пустые от боли глаза.

– Александр Леонидович, – чуть не плача, Лиза сложила ладошки, словно в молитве, – там приехало телевидение! А никого нет! А Семён Маркыч, он на операции, и Михал Рувимыч, он тоже на операции!

В ответ он застонал:

– О господи-и-и... Сейчас, Лиза... Пойди скажи, что через десять минут я буду готов, – он, наконец, вспомнил все.

Лиза оторопело смотрела, как доктор Корольков пытается встать с кушетки. Саша заметил ее полный ужаса взгляд и криво усмехнулся:

– Лизонька, иди. И-ди, Ли-за! Иди!

Лиза попятилась к двери:

– Да-да, конечно, Александр Леонидович, я иду...

Она помолчала, все так же таращась на него, и добавила:

– Вам очень больно, да?

– Очень, детка, – ответил Саша. – Не то слово, как мне больно!

– Ой, а у Михаил Рувимыча в кабинете есть костыль! – обрадовано воскликнула девушка. – Давайте, я вам его принесу! Вам легче будет!

– Да что ты выдумала, Лиза! – с упреком ответил Саша. – Какой еще костыль, я не инвалид!

– Да он такой, знаете, короткий. Как трость, только с упором на локоть. Михаил Рувимыч, когда ногу в Шерегеше сломал, помните? Он еще тогда три месяца на растяжке лежал в травматологии? Так вот, он потом с этим костылем даже в операционной стоял, да! Ногу коленкой на табуретку поставит сломанную, локтем на костыль этот обопрется и ничего, оперировал!

Саша вспомнил, как года три назад мусинского зама по лечебной части Мишу Когана, раздробившего ногу на горе в Шерегеше, привезла в больницу на машине его жена Алёна. И как, страшно матерясь, Розалия Львовна с Димой Капустиным складывали Мишину ногу по кускам, а потом Коган, действительно, три месяца валялся в травматологии с привязанной к ноге гирей. А потом почти год ходил с палкой и хромал. И выглядел Миша с этой палкой, вспомнил Корольков, вполне себе импозантно.

– Ну, – усмехнулся он, – мы с тобой уж как-нибудь без табуретки обойдемся, Лизонька. А палку давай, тащи.

Сашу немного коробило от мысли, что ему придется говорить о том, что в клинике сложилась катастрофическая ситуация из-за наплыва пострадавших: тем самым он нарушит неписанный закон о чести мундира и выносе мусора из медицинской избы. Однако он понимал, что, если в его отделение не перестанут везти раненых, его самого просто-напросто хватит удар – от усталости, от нестерпимой боли, от груза ответственности за жизни людей, которым он и его коллеги не успеют помочь просто потому, что их, врачей, очень мало для такого количества пострадавших. Пока (он мысленно переплюнул три раза через левое плечо) никто из достав-

ленных в клинику с обвалившегося моста людей не скончался. И хотя травмы и повреждения были какие-то особенно тяжелые, нестандартно тяжелые, валящимся с ног от усталости врачам удалось прооперировать всех вовремя, кроме той женщины, которую анестезиологи ввели в искусственную кому. «Придется исполнить приказ Мусина, – со вздохом думал Саша, – иначе на самом деле нам трындец!»

Лиза обрадовано закивала:

– Сейчас-сейчас, я быстро! – воскликнула она. – Вам правда легче будет, Александр Леонидович! Михал Рувимыч, он, конечно, повыше вас ростом, но там регулируется все!

– погоди, Лизавета! – остановил он ее. – Принеси-ка мне зубную щетку и пасту. В нижнем ящике стола в моем кабинете. Мне наклоняться больно.

– Сейчас принесу, – девушка метнулась к двери.

Пока Лиза ходила за Мишиной тростью, Корольков умылся, тяжело опираясь на край раковины левой рукой, и почистил зубы. Взглянул на себя в зеркало и ужаснулся: серое лицо, черные мешки под глазами. Скажут, алкаш какой-то, подумал он. А, плевать! Пошли они все...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.